

Владимир Андриенко

Сестра самозванца

16+

Владимир Александрович Андриенко

Сестра самозванца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68053762

SelfPub; 2022

Аннотация

В лето 1604-е от Рождества Христова гусарский поручик шляхтич Нильский впервые встретил красавицу Елену в Самборском замке. Елена была сестрой самозванца, который объявил себя царевичем Дмитрием. Эта встреча переменяла жизнь поручика, и успешный офицер крылатых гусар Речи Посполитой отправился вместе с армией Лжедмитрия добывать московский трон.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	23
Глава 2	57
Глава 3	68
Глава 4	82
Глава 5	109
Глава 6	141
Глава 7	157
Конец ознакомительного фрагмента.	166

Владимир Андриенко

Сестра самозванца

Пролог

Явление самозванца.

Слова инока Григория, который своей рукой изложил «Историю самозванца Лжедмитрия Первого и сестры его Елены».

Я начну с того часа как стал помогать дьяку Ивану Тимофееву в составлении «Временника», в коем была изложена история государства Русского за четыре десятилетия от царя Ивана Васильевича Грозного до Василия Шуйского.

Имя мое инок Григорий, я монах Троице-Сергиева монастыря, и много лет состоял при монастырской книжнице (библиотеке). А когда дьяку Тимофееву понадобился переписчик, отец-игумен посоветовал ему меня, как знающего и книжного человека.

Дьяк выяснил, что сам я в молодые годы был очевидцем событий, которые произошли с лета 7110-го от сотворения мира (1602 от РХ) по лето 7113-е (1605 от РХ). Я не просто видел самозваного царевича Димитрия, но состоял при его

особе и много раз беседовал с ним. Знал я и воеводу Юрия Мнишека и дочь его Марину Мнишек, которая стала женой Димитрия и русской царицей.

Сказал я дьяку и про сестру самозванца Елену, чему тот подивился, ибо ранее ничего про неё не слышал. А ведь как она блистала при дворе воеводы Мнишека в Самборе! Сколько шляхтичей потеряли тогда свои головы от любви. И затем сыграла она важную роль в походе самозванца и помогла ему достичь трона московского.

Дьяк показал мне свои записи, которые мне надлежало переписать. Я прочел, как после смерти царя и великого князя Ивана Васильевича трон наследовал его слабоумный сын Федор Иванович. Затем, после его смерти, венец Мономаха оказался у Бориса Годунова. А после трон занял беглый монах Чудова монастыря Григорий Отрепьев, выдавший себя за сына Грозного царя Димитрия Ивановича.

И все, что касалось самозванца, было изложено с большими ошибками и недомолвками. Про сие я честно сказал дьяку, и тот попросил меня самого написать об этом периоде в истории государства.

Назвал я сии записки «История самозванца» и начал оные с 1602 года, когда первые слухи о беглом монахе, назвавшемся царским именем, появились на Москве.

Затем я сразу перескочил в лето 1604-е от Рождества Христова, когда сам непосредственно стал участником событий. Тогда совсем молодым человеком я впервые встретил Еле-

ну, редкой красоты женщину, которая, как, оказалось, была родной сестрой самозванного царевича. Я уже стар и плоть моя давно смирилась, но до сих пор волнует меня воспоминание о той первой нашей встрече в Самборском замке.

Сколько раз потом был я свидетелем смелости сей девицы. Как помогла она самозванцу взять многие пограничные крепости без единого выстрела, ибо сами они отворили ворота перед «царевичем». Какие страсти кипели вокруг неё, и какие мужчины добивались её любви.

А ныне у дьяка в его листах нет ни слова об этой женщине. Словно и не существовала она никогда, и шло все без её участия. И потому моя история может показаться кому-то странной, и кое-кто даже может не поверить мне, но стану говорить лишь то, что видел своими глазами.

Как давно сие было. Словно и не я то был, но иной человек. Ибо, как сказал царь Соломон: «Блажен человек, который снискал мудрость, и человек, который приобрел разум, потому что это лучше приобретения серебра, и прибыли от мудрости больше, чем от золота».

Далее все записи даются на основании «Истории самозванца Лжедмитрия Первого и сестры его Елены».

Сведения о самозванце Январь 1602 года.

По снежной дороге мчались сани, запряженные четвер-

кой вороных. Государев дьяк Посольского приказа Василий Шишкин ехал в Москву.

Радостно было дьяку. Давно мечтал он о дороге назад к родному дому. Еще два месяца тому хотел он отправиться в путь, но не желали недруги видеть его в Белокаменной. Слишком многим перешел он дорогу, и выгодно было врагам держать Шишкина подальше от дел настоящих, касаемых судеб государства Московского.

Выслали его в Новгород, и велено было Шишкину сидеть там и носа на Москву не казать. Не было у дьяка среди больших людей доброхотов, которые могли бы его от недругов прикрыть. Роду он был незнатного и предки его больших мест не занимали. Никто из них выше подьячего с приписью не прыгал, на хлебных местах не сиживал, и потому не досталось Шишкину ни казны богатой, ни связей добрых. Однако был сей дьяк зело умен и сам продвинулся по службе, ибо и иноземные языки знал, и книги читал, и хитрости разные ведал. От того и пошел служить в Приказ посольских дел. Стал толмачом, затем подьячим, а затем и до дьяка дорос. Но Фортуна отвернулась от Шишкина.

Слишком многие стали завидовать на его удачу. Заговорили недруги, что не по чину вознёсся худародный мужичина. И стали Шишкину всяко мешать: чернили перед начальными людьми, обвиняли во мздоимстве¹, в глупости и еще

¹ *Мздоимство – взяточничество (здесь и далее примечание автора).

много было чего. И поносные кляузы² сделали дело. Время царствования государя Федора Ивановича не стало для Шишкина хорошим временем, особенно после страшного дела в Угличе³.

Был Шишкин в те поры в подручных у думного дьяка Битяговского, что надзор за малолетним царевичем Димитрием имел по поручению великого боярина Бориса Годунова. Отрядили его из Приказа посольского в Углич. Шишкин поначалу обрадовался. Хоть и выслали из Москвы, но не куда-нибудь, а в удел царевича, наследника трона. Выдвинется дьяк при малом дворе, а там, глядишь, и Димитрий⁴ царем станет, и двор из малого в большой оборотится.

Однако через месяц, как прибыл в Углич Шишкин, царевича зарезали. Конечно, самого дьяка посольского приказа никто и ни в чем не винил. Не был он близок к угличскому двору и больших дел не делал. Но в опалу все равно попал, хотя истинные виновники убийства не только не понесли наказания, но и возвышены были.

С тех пор, хоть и был Шишкин дьяком, а поручения исполнял самые мелкие. Ни почета, ни злата не нажил и стал пить горькую. Много пропадад дьяк в государевых кабаках,

² * Поносная кляуза – донос.

³ * Дело у Угличе – имеется в виду убийство наследника престола малолетнего царевича Димитрия Ивановича.

⁴ * Царевич Димитрий Иванович – младший сын Ивана Грозного от Марии Нагой, седьмой жены царя. 15 мая 1591 года царевич был убит в своей резиденции в городе Угличе.

заливал обиду и через то многие ссоры были у него с женой. Когда московский трон занял государь Борис Федорович, появилась у дьяка надежда. Этот умный и деятельный правитель возвышал людей не по знатности, а по разуму. Но и здесь дьяку не повезло. Не допустили его ни разу пред государевы очи, и не было у царя возможности оценить Шишкина. А женка все грызла и грызла его. Пришлось дьяку идти на поклон к большому боярину Ивану Мстиславскому. Был у него один ход в дом сего вельможи. Знал дьяк боярского дворецкого, который приходился родней жене Шишкина.

Но и здесь капризная Фортуна не повернулась к дьяку лицом. Как только был он принят большим боярином, и было ему обещано кое-что, как звезда самого Мстиславского закатилась. Боярин примкнул не к тем людям при дворе и по царскому приказу его постригли в монахи.

Вот и добрались недруги до Шишкина. Ему все припомнили. И угличское его сидение, и питье горькое, и разговоры ненужные, и слова, спяну сказанные про порядки московские. Отослали с глаз долой с мелким поручением в Новгород. А оттуда, дабы вернуться обратно в Москву, надобно было нечто важное свершить. Занимался же Шишкин делами токмо незначительными. Вот и получалось, что надолго его услали. Просидит в Новгороде год-другой-третий и спишут его за ненадобностью, ибо нет у сего дьяка ни родни, ни злата, и государству от него прибыль небольшая...

И вот пришло его, Шишкина, время! И потому мчится он сейчас на Москву!

Мороз стоял крепкий, и дьяк кутался в лисью шубу. Под кафтаном у него крепкий панцирь – дороги были беспокойны. Всюду шалили разбойники и часто резали путников, коли те без большой охраны путешествовали. А откуда у Шишкина люди для охраны? Каковы его прибитки? Токмо один слуга, что был и за возницу, и за конюха, и за конвоира.

Но все равно отправился дьяк в путь. Пора было заставить Фортуна повернуться к нему лицом. Может она сама и дала ему возможность наверстать упущенное?

К самому царю Борису Федоровичу намеревался пробиться пронырливый дьяк и первым доложить про открытую им измену на великого государя.

Появился в пределах земель Речи Посполитой некий человек, назвавшийся именем царевича Димитрия Иоанновича. Дескать, не был он убит тогда злодеями в Угличе, но был спасен верными слугами и до сроку скрывал своё истинное приращение (происхождение).

Был тот самозванец принят в замке князя Острожского. А затем и князя Вишневецкого. Слышно было, что заинтересовала особа сего человека и короля Сигизмунда Третьего...

Попал к дьяку опросный лист попа, которого повязали в государевом кабаке за поносные слова на царя Бориса Федоровича.

– Что сие за бумага? – спросил Шишкин у подьячего.

– Дак поп безместный Васька Шугаев набуянил во хмелю.

Сие не в первый раз он за караул угодил.

– Но отчего к нам сия бумага пришла? Поношение государя не наше дело.

– Дак поп сей не прост. Он родня владыки новгородского.

Вот его и спровадили к нам, – ответил подьячий.

– Но коли он родня владыке, то отчего поп сей без места обретается?

– Да владыко наказал его за пьянство. Больно поп Василий любит зелено вино. Но разбойного приказу дьяк опасается сего попа трогать и потому нам сие дело сплавил.

– Мало мне опалы царской. Еще и сие дело.

– Дак прикажи попишку отпустить, а бумаги в огонь. И всего делов!

– А чего же дьяк разбойный сего сам не сделал? – спросил Шишкин.

– Дак осторожен он. Мало ли как дело повернется. А так передал нам лист и умыл руки.

Стал Шишкин читать опросный лист со вниманием. Выходило, что не просто ругнул поп государя Бориса Федоровича, но сказал «слово и дело».

– Отпустить говоришь? – Шишкин посмотрел на подьячего. – Ты меня к нему сведи нынче. Я сам опросный лист составлю.

– Пытать станешь?

– Нет, – сказал Шишкин. – Покуда без пытки обойдемся.

И вскоре Шишкин имел в подземельях разговор с дородным попом. Никого при сем разговоре не было.

– Ты стало «слово и дело» знаешь? – спросил дьяк.

– Сболтнул спьяну, – угрюмо ответил поп.

– Дак и мне про сие расскажи. Что знаешь? Повинись.

– Ничего не знаю. Просто сболтнул. Мало ли? Чего спьяну не скажешь?

– Ты, мил друг, не понял куда попал? Не впервой тебя ловят. Про то мне известно. Но ныне ты сказал про изменное дело. И я про сие дело хочу все знать. Коли скажешь добром, прикажу отпустить. А коли нет, то все одно скажешь с пытки. Но тогда отпустить не смогу. Подьячие-то пыточные листы составят. И тогда шила в мешке не утаить.

– Да ничего я не знаю! Токмо слух один передал и все.

– И что за слух?

– Просто так скажу. Но записать ничего не дам! Одному тебе и скажу!

– Говори!

– Объявился в землях польских некий человек. И признали в нем сына государя Ивана Васильевича.

– Сына? Грозного царя? – не поверил Шишкин.

– Царевича Димитрия Ивановича.

– Дак помер он.

– И приняли того человека в замке князя Вишневецкого и слышно было, что признал его князь за истинного царевича.

А Вишневецкий Рюрикова корня...

Шишкин понял, какая тайна попала к нему в руки, и потому быстро собрался и помчался один в санях со слугой-возницей, никого не уведомив об отлучке. Ежели доложить про то самому царю, то милости его будут к Шишкину великие. Ведь дьяку уже за сорок, а что у него есть? Домишко в Москве, да рухлядишки кое-какой на сотню рублей, да жалование государево. А ведь три дочери у дьяка скоро заневестятся. Как их замуж выдавать без приданого? Да и женка всю плешь проела дьяку, до каких пор в бедности жить будут? Не в пример иным дьякам Шишкин жену подарками радовал мало.

Жаловалась она, за что бог наказал её таким мужем? Ни кожи, ни рожи, ни серебра, ни рухлядишки стоящей.

Шишкин был худ, высок ростом, и бороденку имел редкую козлиную. Оттого и женка его не захотела с мужем ехать в Новгород. На Москве осталась. Чего говорит мне с тобою таскаться? Авось к весне и возвратнешья.

Уж он возвратнется! Тогда всем покажет кто таков Васька Шишкин! И женка его будет в ногах валяться и слезами умоется! Дай срок!

Царь Борис его отметит и приблизит. А с самозванцем он царю пособит. То хорошо, что объявился человечешко, кой дерзнул себя именем царевича наречь! Сие как раз дело для него – для Шишкина. Главное, дабы не обошел его никто!

Первым надобно сие государю сообщить.

Но вот как попасть к царю? То дело многотрудное. Коли в приказ пойти Посольский, то его и слушать не станут. Скажут, для чего службу покинул без дозволения? И поди докажи им, чурбанам, что де по государевой надобности. А коли рассказать все, то они славу всю себе припишут, а ему Шишкину сунут рублей сто и со двора вон!

Э, нет! Так он делать не станет!

Надобно человека сыскать, что к царю его проводит. Человека не великого, но и не малого. И такой есть при особе царской. Оружничий⁵ Клешнин!

Где-то недалеко послышался удалой свист. Дьяк вздрогнул и прочитал молитву, прося бога сохранить его от разбойников. Много удалых шаек рыскало нынче по большим дорогам. Налоги и войны высасывали все из мужика, и потому пустели деревни, и все больше народу уходили в бега. Кто подавался на Дон, кто бежал за Великий Камень, а кто просто разбойничал и резал проезжих, зарабатывая себе тем на хлеб и вино...

Но судьба хранила Шишкина, и он благополучно до Москвы добрался. И сразу направился к дому царского приближенного Семена Клешнина.

Хоромы царского оружничего в Белом городе сразу за

⁵ *Оружничий – придворный чин, ведал царской оружейной казной и был главой Оружейного Приказа.

Неглинкой у самого Кремля. Дом большой, добротный. Подклети и клети, предназначенные для хозяйственных нужд, сложены из камня, а верхние этажи, где комнаты и горницы, были деревянными. Оно и понятно – жизнь в деревянных комнатах считалась здоровее.

Шишкин с завистью смотрел на хоромы Клешнина.

«Вон как живет царский оружничий! Не мне чета! И слуг у него много и всякой рухляди несчитано. И дочек как у меня трое. Небось, от женихов отбоя нет. Не то, что мои бесприданницы».

Дом Клешнина был огорожен высоким забором. Шишкин подошел к воротам и постучал рукоятью сабли. Залаяли псы, и отворилось воротное окошко.

– Кого бог принес? – послышался голос привратника.

– Дьяк Посольского Приказа Василий Шишкин к боярину!

– Чего? – переспросил привратник.

– Али не расслышал, старый пень? Дьяк Посольского Приказа к боярину по государеву делу!

Старик отворил калитку и впустил Шишкина.

– Коли по делу государеву, то доложу про тебя господину. Но боярин наш гневен нынче. Смотри, как бы тебе батогов не отведать, дьяк.

– Ты только доложи про меня, мил человек. А дальше моя забота.

Старик ушел и передал слова дьяка слугам.

Скоро к Шишкину вышли. Это был ключник оружничего именем Неждан.

– Заходи! Иди за мной! Боярин ждет тебя немедленно!

Шишкин вошел в дом...

Царский оружничий, высокий средних лет мужчина, плотного сложения, с красивым лицом, обрамленным русой бородой, был верным человеком Годунова. Потому хитрый дьяк знал, как начать разговор.

– Ты назвался дьяком Посольского Приказа? – спросил он, внимательно изучая Шишкина.

Дьяк низко поклонился.

– Ты сказал государево дело? – снова спросил Клешнин дьяка.

– Знаю дело государево! – сказал дьяк и перекрестился на образа.

– Государево?

– Да, господине.

– Имя?

– Василий Шишкин!

– Отчего ко мне пожаловал? Отчего не в Приказ? – спросил оружничий.

– Я покинул свой пост тайно, господине! В Приказе меня беглым объявят и к батогам приговорят.

– И верно сделают!

– Дак коли за службу такое положено, то готов я отвечать

перед государем! – сказал дьяк.

Клешнин смягчился.

– Ишь ты, каков гусь. Ладно! Говори дело!

– Я сюда примчался, как мог быстро. Один ехал без провозных. Ни волков, ни разбойников не убоился.

– И с чего это?

– Изменное дело на великого государя! Дело важное и страшное!

Клешнин встрепнулся.

– Не врешь? – строго спросил он.

– Не вру! – дьяк еще раз перекрестился. – Сведения имею точные. Появился на землях Речи Посполитой некий беглый из Московии. Именует себя Димитрием Иоанновичем!

Клешнин приблизился к Шишкину. Он схватил его за ворот кафтана.

– Ты что сказал, пес?!

– Изменное дело, господине. И того беглого в замке князя Вишневецкого приютили.

– Верно ли сие?

– Вот те крест! Назвался тот бродяга сыном умершего царя.

Клешнин отпустил дьяка.

– Но всем ведомо, что умер Димитрий Иванович больше десяти лет назад!

– То всем ведомо, – согласился дьяк. – Но тот бродяга сказал, что де избегнул смерти он, и вместо него был убит

иной. А его верные слуги спрятали.

– И тому поверили?

– Дак коли в замке Вишневецкого того бродягу приняли с почетом? Сам посуди, господине. Князь Вишневецкий Рюрикова корня. Сын Грозного – Рюрикова корня, но старшей ветви. А стало, признал князь родство, и признал, что сей самозванец первый из ныне живущих Рюриковичей.

– Пойдем со мной в горницу, дьяк. Там все обскажешь. И коли не соврал, то быть тебе в большом почете за верность! В том слово даю.

Дьяк рухнул на колени и обхватил руками ноги Клешнина.

– Да я все сделаю, господине! Ты не сумлевайся!

– Встань! Не время сейчас по полу ползать! Дело ждет...

Дьяк Шишкин все поведал Клешнину. Надеялся он, что оружничий допустит его до самого царя. Но Клешнин задумал иное.

– Ты, мил друг, службу царю сослужил! То добро! Но надобно тебе еще послужить.

– Я готов.

– Ты сразу ко мне прибыл?

– Да, господине.

– Дома не был?

– Нет, господине.

– И женка твоя не видала тебя?

– Нет, господине.

– И не знает о том, что ты на Москве?

– Нет, господине.

– Добро! Скоро, дьяк, быть тебе в большом почете. Быть тебе думным дьяком при государе!

– Да я... да я готов... да я заради государя...

Шишкин бухнулся на колени и захотел облобызать руку Клешнина. Но тот властно вернул его на место.

– Тихо. Не суетись!

Дьяк сел на место. Клешин хлопнул широкой ладонью по столу и продолжил:

– Слушай далее. Тебе надобно сразу назад возврататься.

– Назад? – удивился дьяк.

– Поедешь по следам того самозванца. И станешь одним из его людей.

– Но сие многотрудно, господине!

– Ничуть. Скажешься беглым дьяком.

– Беглым?

– Так веры тебе будет больше. Ежели самозванец измену затеял, то ему русские слуги будут надобны!

– То верно, – согласился Шишкин.

Дьяк стал понимать какие возможности открывались для него. Тайную службу править куда как выгодно. Да еще в землях иностранной державы.

– На сие деньги надобны, господине! – заявил дьяк. – И деньги немалые.

– Дам тебе поначалу тысячу золотых.

У Шишкина перехватило дух. О таком богатстве он и мечтать не мог.

– Провожать тебя станут пятьдесят казаков. До самой границы доставят. Про то, кто ты есть, никто знать не будет. Когда пересечешь рубеж литовский, будет грамота о беглом дьяке. Что де враг ты государю великому. То веры тебе при самозванце добавит.

Клешнин снял с пальца драгоценное кольцо и передал дьяку.

– Запомни сей перстень, дьяк.

– Для чего оно, господине?

– По сему кольцу узнаешь посланного от меня.

Шишкин изучил кольцо и вернул его владельцу. Не запомнить большого изумруда, вставленного в золото, было нелезя...

Семен Андреевич Клешнин всем в жизни был обязан Годунову. Это его, захудалого дворянского сына, приблизил к себе боярин Борис в день свадьбы своей сестры Ирины с царевичем Федором Ивановичем.

До того Клешнин долго пребывал на Москве и пробовал пристроиться на теплое место при дворе. Много слышал он дома от бати своего, как мелкие люди поднялись при царском дворе до высот.

Говорил Андрей Клешнин сыну:

– Я всю жизнь в ополчении маялся. Службу служил госу-

дарю и воевал с войском его под Казанью. Увечье получил. А чего нажил с того? Имение наше почти в разор пошло.

– Бог милостив, батюшка.

– Дурак ты, Семка! Вроде вырос, косая сажень в плечах, а дурак! Как про жизнь мыслишь?

– Дак государь на войну призовет, и я в ратном деле сумею показать себя.

– Снова дурак!

– Чего всё лаешься, батюшка?

– А того, что хочу тебя разуму научить. Мы ведь роду не шибко знатного. Но надобно не в ратном поле славу добывать! Ныне при опричном дворе царя людишки худородные в силу вошли. Опричниками зовутся.

– И чего?

– А того, что надобно тебе на Москву ехать. И там искать хорошего и крепкого человека.

– Царя? – спросил тогда Семен.

– Вот дурак! Дак кто тебя допустит до царя? Ты кто таков есть? Верного человека, что при царе состоит. Да не великого человека. До большого царского сподручника не добратся тебе. А вот до кого помельче можно.

– Дак много ли толку от мелкого человека, батюшка?

– А такого следует искать, кто ныне мелок, но завтра высоко взлетит.

– Как распознать такого, батюшка?

– В том и есть искусство великое, Сёмка. И сделать это

надобно, ежели не хочешь дни свои как я кончить. Сам посмотри, как живем? Бедность на пороге дома нашего. А далее еще хуже будет, коли не исправишь сего. Сам я уже не могу того. Немощен. Мне могила, а тебе жизнь. И какова она будет, жизнь твоя, решать тебе.

И выполнил Семён волю отца своего и пристроился при молодом царском сподвижнике Борисе Годунове. И был Борис в те годы царским мыльником⁶. Но затем быстро поднялся благодаря выгодной женитьбе на дочери самого Малюты Скуратова⁷.

Это Годунов представил Клешнина Грозному царю⁸.

Затем, после смерти Ивана Васильевича, Борис стал первым советником нового царя Федора Ивановича, и был назначен правителем государства, боярином-конюшим, великим боярином и наместником царств Казанского и Астраханского.

Борис добился от царя для Клешнина звания окольникового. А уже когда сам Годунов сел на трон, то пожаловал Клешнину высокое звание царского оружничего. И не зря возвышал Борис Семена Андреевича. Большой хитрости был сей человек и мастером славился интриги придворной...

⁶ *Мыльник – придворный чин при царской бане.

⁷ *Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский по прозвищу Малюта – приближенный дворянин Ивана Грозного. Пользовался громадным влиянием на царя во времена опричнины.

⁸ *Грозный царь – Иван IV Васильевич, царь и великий князь Всея Руси, известен в истории под именем Ивана Грозного.

Глава 1

Поручик надворной хоругви.

Самбор. Замок воеводы Мнишека.

Лето 1604 года.

Молодой шляхтич Ян Нильский был послан коронным гетманом Речи Посполитой паном Замойским⁹ в Самбор, где стояли лагерем войска собираемые воеводой Мнишеком для пана Димитрия, сына почившего 20 лет назад царя Московии Ивана Грозного.

Пан Нильский имел строгий приказ – внушить воеводе Мнишеку, что его действия незаконны. Только коронный гетман, главнокомандующий всеми войсками Речи Посполитой¹⁰, может отдать приказ для сбора войск.

Конечно, понимал князь Замойский, что не сам Мнишек отважился на подобное. Хоть и был своеволен пан Юрий, но не до такой степени. За его спиной стояли многие вельможи Великой Польши и сам ясновельможный пан круль (ко-

⁹ * Ян Замойский – князь, польский магнат. Занимал должности коронного подканцлера, великого канцлера, старосты краковского, великого коронного гетмана. Строитель города Замосць.

¹⁰ * Речь Посполитая – федерация королевства Польского и Великого княжества Литовского, возникшая в результате Люблинской унии в 1569 году. Располагалась преимущественно на территориях современных Польши, Украины, Беларуси и Литвы.

роль). Потому и послал князь к воеводе только своего младшего офицера, а не официального посланца с рангом выше и титулом позначительнее. Приказы коронного гетмана возили полковники, а не поручики. Но этот молодой шляхтич пользовался полным доверием князя.

Ян Нильский служил под командой коронного гетмана уже три года. Его отец, безземельный шляхтич Николай Нильский, состоял при замке князей Замоиских в должности чашника. Всем был обязан пан Николай вельможе-магнату, служил ему честно, и даже сына назвал в честь своего благодетеля – Яном.

Ян вырос в замке Замосць и был определен солдатом в гусарскую хоругвь¹¹. Быстро стал наместником¹² за мужество и умение рубиться на саблях, а затем и поручиком личного отряда князя Замоиского. После того как пан князь занял пост коронного гетмана, храбрый офицер стал его личным оруженосцем. Карьера завидная для столь молодого человека. О таком сотни юношей гораздо более знатного рода могли только мечтать. Потому и называли пана Яна баловнем судьбы...

Три дня Нильский добирался до резиденции Юрия Мни-

¹¹ Хоругвь – отряд воинов в средневековой Польше. То же что и поздняя рота. В конную хоругвь входило до 80 всадников.

¹² Наместник – помощник командира у крылатых гусар Речи Посполитой. Младший офицер.

шека Старого Самбора, королевского города, который входил в воеводство Русское.

Время было тревожное и беспокойное. Шалили на путях разбойники. Но пан Нильский их не боялся и потому спокойно ехал один без сопровождения. Те предпочитали нападать на купцов да на мещан. И риска меньше и прибыли больше. А много ли найдешь в карманах у шляхтича, пусть даже и так хорошо одетого и экипированного как пан Ян? А сабля у офицера острая и две пары пистолетов имелись.

Молодой офицер за время пути видел небольшие отряды шляхты и наемников, что также хотели попасть в Самбор. Вот только цель у них была иная – они желали присоединиться к войску Мнишека.

То были отряды рейтаров, что искали боевой работы, которой в данный час не было в Великой Польше. Магнаты не вели войн, и заработки наемных солдат упали. Вот и устремились они на юг, где собирались грозные тучи.

Были и безземельные шляхтичи из Литвы и Белоруссии, не имевшие гроша за душой. Потому они также искали большой войны, которая могла наполнить их тощие кошельки.

В одной придорожной харчевне запомнил Нильский пана средних лет в поношенном кунтуше, который громко говорил о войске московского царевича. Скоро де выступит это войско в поход и добудет большую славу. Ему возразили другие паны:

– И про какую славу говорит пан? – спросил старый шлях-

тич со шрамом через все лицо.

– Про рыцарскую славу. А то застоялся я без настоящего дела.

– Пан видит шрам на моем лице? Вот то было настоящее дело против турок.

Кто-то спросил из глубины зала:

– А чем московские схизматы лучше турок?

– Царевич ведет войско на Москву! На сей раз сын Грозного царя идет во главе войска!

– Цо? Пусть пан не говорит, чего не знает! – вскричал шляхтич со шрамом. – Какой царевич?

– Так пан не верит в царское происхождение Димитрия? Но сам куруль признал его!

– Круль? Пусть пан не смешит меня. Наш круль признает все, на что укажет ему пан коронный канцлер. Но есть еще в Речи Посполитой вельможи, что не верят сей сказке!

– Да мне нет дела до царского рождения Димитрия! – высказался иной шляхтич. – Он поможет мне разбогатеть в Московии. Для того я и хочу присоединиться к войску.

Нильский не стал вмешиваться в разговор, который скоро закончился ссорой и шляхтичи вышли во двор рубиться на саблях. Старик со шрамом легко одолел того, кто собирался стать солдатом армии Димитрия.

И этого старика Нильский хорошо запомнил. Тот, после поединка, вернулся в харчевню и сам обратился к нему.

– Пан прибыл издалека? – спросил шляхтич, садясь за

стол рядом с поручиком.

– Смотри, что пан понимает под словом «далеко», – неопределённо ответил Нильский.

Шляхтич усмехнулся. Затем задал новый вопрос:

– Пан есть офицер?

– Поручик панцирной хоругви князя Замойского.

– О! Пан служит коронному гетману? Так я знаю пана князя и сам служил под его началом. Давно это было. Пана поручика еще и на свете не было.

– Пан не сказал мне своего имени.

– Пилавский, – представился тот. – Станислав Пилавский. Шляхтич и солдат Речи Посполитой. А как имя пана?

– Ян Нильский.

– И куда пан Нильский направляется? Неужели тоже в лагерь Мнишека?

– Я еду с поручением от пана коронного гетмана.

– Ах, вот как? Тогда не стану больше беспокоить пана. Понимаю, что пан не может мне ничего рассказать. Но пан Мнишек затеял плохое дело. Губят отчизну вот такие полководцы как Мнишек.

И много еще чего говорил старый шляхтич. Нильский слушал и не перебивал рассказчика. Но тот и не требовал ответов. Он был рад возможности обрести слушателя. Ответов ему было не нужно.

Было видно, что все посетители харчевни хорошо знали и уважали пана Пилавского. Хоть был тот совсем не богат,

судя по его заплатанному, потерявшему цвет кунтушу. Много воевал этот пан на своем веку, много чего видел и знал. И посоветовал пан Пилавский Нильскому никогда в войске Мнишека не служить, коли желает он себе добра. Жаль не послушал того совета молодой воин...

Еще издали посланец гетмана увидел башни замка. Вздыхались они над окрестностями серой громадой, как оплот могущества местного воеводы. Над зубчатыми стенами трепетали на ветру знамена и были видны жерла пушек, у которых шляхтич увидел солдат, словно готовился пан Мнишек к осаде.

«А у Мнишека неплохая крепость, – подумал Нильский. – В такой не одну армию остановить можно. Только чего это пан воевода держит столько людей на стенах, словно готовится к большой осаде? Войны-то нет. Ведь Мнишек собирает войска, дабы наступать, а не обороняться».

И решил пан Нильский расспросить кого-нибудь по пути. Надобно же знать, что в замке происходит.

По тракту к замку тянулись люди. Это были крестьяне с котомками на плечах. Они услужливо сошли с дороги, и низко поклонились шляхтичу. Но с ними говорить пан Ян не стал. Что они могут знать?

Не стал он говорить и с конными казаками, что проехали мимо шляхтича, не обратив на него внимания. Эти не сильно жаловали шляхетскую братию и часто затевали ссоры с

солдатами и офицерами короля. Но ныне воевода Мнишек, в войско которого они направлялись, не хвалил за такое и казаки предпочитали сдерживаться.

Не окликнул Нильский и проехавшую в повозке шляхтянку средних лет. Она смотрела на красивого шляхтича и даже махнула ему платком.

«Кто же станет моим собеседником? Хорошо бы купца найти по пути».

И судьба послал ему такого человека.

Конь шляхтича поравнялся с тяжелой телегой, покрытой шкурами, которую тащили две клячи. Лошадьми правил тощий еврей в черном плаще и шляпе.

Он кивнул шляхтичу в знак приветствия и приподнял головной убор.

– Доброго дня пану кавалеру, – сказал он.

– Добрый день, пан купец.

– О! – удивился еврей. – С чего, пан кавалер, признал в старом Рафаловиче купца? Было то время, когда Рафалович был купцом, и его караваны ходили до самого Истамбула. Так, пан, до Истамбула! Но сейчас разве Рафалович купец?

– Пан едет в Самбор? – спросил Нильский.

– Старый Рафалович имеет кое-что продать в Самборе. Хоть и трудно назвать рынком то место, которое так называют местные жители, пан кавалер. Это не Варшава, пан.

– И не Краков, – сказал Нильский. – Но крепость неплохая.

– Я веду торговлю здесь уже два года, пан. Два года. Не один день. И здесь есть несколько цехов, но разве то цехи, пан? То слезы. Вот в Варшаве к примеру...

Старый еврей пустился в долгие рассуждения, что есть хорошая торговля, и что есть хороший и богатый город. Он говорил о рынках Истамбула и Едирне, о богатой Москве, о торговых городах Семиградья. По его словам самборский рынок был совсем никудышным, где порядочному уважающему себя купцу делать было нечего.

Но Старый Самбор в те времена не был бедным городком на окраине Речи Посполитой. Здесь купец немного лукавил. Город был крупным торговым центром, где ежегодно устраивались две ярмарки, работали шесть мельниц, пять пивоварен, действовали ткацкий, сапожный, скорняжный цехи. С 1500 года от Рождества Христова город получил Магдебургское право и королевские привилегии.

Еврей поговорил о торговле и ремеслах, и вдруг задал вопрос:

– А вы, пан кавалер, не местный?

– Я поручик гусарской хоругви Ян Нильский.

– Вот как? Но пан столь молод! И уже поручик!

Нильский не обратил внимания на лесть и продолжил:

– Еду к воеводе Мнишеку с письмом.

– Ах, вот оно как! С письмом! И кто нынче пишет воеводе?

Нильский ответил:

– Про то знать должен лишь сам воевода, пан купец.

– Оно так, пан кавалер. Но старый Рафалович многое знает из того что происходит в доме воеводы Мнишека. И напрасно пан так смотрит на Рафаловича. Рафалович многое может пояснить пану кавалеру. Наш воевода не слишком богат, и часто призывает к себе Рафаловича.

Про то, что воевода Юрий Ежи Мнишек оброс долгами, в Польше знали многие. Слишком широко жил великий вельможа и сенатор, каштелян радомский, воевода сандомирский, староста львовский, воевода самборский и рогатинский¹³.

– Про это знает половина Польши, пан купец. То «большая» тайна.

– Пан кавалер шутит? Но напрасно пан сомневается в осведомлённости старого Рафаловича. Рафалович совсем не дурак. Да и можно ли позволить себе роскошь быть дураком, если ты родился евреем?

– Пан купец производит впечатление весьма умного человека.

– И снова пан кавалер прав. С чего Рафаловичу быть дураком?

– Так, пан купец, частый гость в замке?

– Слишком частый, пан кавалер. Особливо с тех пор как здесь поселился принц Димитрий, сын русского царя.

– Пан знает «царевича»?

¹³ *Должности, занимаемые Юрием Мнишеком.

Рафалович ответил:

– Уж если я знаю воеводу и многих вельмож в замке, то отчего мне не знать пана Димитрия?

– Сей господин сейчас в замке Самбор? – спросил Нильский.

– Недавно прибыл из Львова, пан кавалер. Здесь нынче собралось много шляхтичей, что желают помогать принцу, добыть отцовский трон. И здесь панна Марина Мнишек, которая причаровала принца.

– Пан купец, знает и это?

– Когда у тебя просят денег, то надобно знать все, пан кавалер.

– Пан купец многое знает. То сразу видно, хоть пан и приbedняется. Пан знает хорошо воеводу?

– Что есть «хорошо», пан кавалер? Есть люди, которые скажут, что знают пана Мнишека как самого себя. Но они солгут пану кавалеру. Что они могут знать? Разве они давали пану Мнишеку хоть один злотый? А Рафалович давал пану воеводе столь много злотых, что может сказать, что знает воеводу хорошо.

– Так пан купец хорошо осведомлен. Это может пригодиться и мне, коли будет на то милость пана купца.

– Пан кавалер! Я вижу людей. Рафалович сразу видит, кто есть кто! Старый Рафалович знает многих, пан кавалер. Да и как ему не знать? Они знают Рафаловича, а Рафалович знает их. И пана Мнишек только два дня назад звала к себе Ра-

фаловича. Она имела кое-что сказать и кое-что просить. И Рафалович дал панне то, что она просила.

– И в замке много шляхты, пан купец?

– Очень много, пан кавалер. Старый Рафалович редко когда видал столько шляхты. Замок полон панов и панночек. А пан, как я могу видеть, весьма охоч до панночек. Так в замке у пана будет из кого выбирать.

– Кто в молодости может быть равнодушен к красоте, пан купец?

– В замке пан найдет то, что ему нужно.

– Красивых панночек много везде, пан купец. Нет в них недостатка в Варшаве и Кракове.

– Оно так, пан кавалер! Но в Самборе есть нечто особенное. Можете не верить старому Рафаловичу. Но скоро вы сами во всем убедитесь.

Далее пути шляхтича и купца-еврея разошлись. Они попрощались, и Нильский свернул к большим воротам крепости воеводы Юрия Ежи Мнишека...

У ворот замка молодого шляхтича остановила стража. Это были надворные казаки¹⁴ Мнишека.

– Погоди-ка! Я не видел тебя ранее! – пожилой сотник в синем жупане преградил путь Нильскому.

– Поручик Ян Нильский! – представился шляхтич.

¹⁴ *Надворные казаки – личная стража польских и литовских магнатов того времени.

– Поручик? Не знаю я такого поручика.

– Так и я не знаю, пана сотника.

– Пан едет наниматься в войско? – строго спросил сотник.

– У меня письмо к пану воеводе от коронного гетмана!

Нильский достал пакет и показал сотнику печать.

– От его милости гетмана?

– От коронного гетмана Речи Посполитой! – поправил сотника шляхтич.

– Тогда прошу пана следовать за мной! Иван! – сотник подозвал казака. – Прими у пана коня!

Нильский спешился. Казак взял его коня и обещал, что с ним все будет в порядке. Присмотрит как за своим.

– Иван дело знает! – сказал сотник. – Конь у пана хорош. Такой жеребец не менее сотни злотых стоит.

– То подарок от пана коронного гетмана, – сказал Нильский.

– Тогда вдвойне дорог сей конь. Прошу следовать за мной, пан поручик.

Нильский, в малиновом жупане со шнурами, выглядел настоящим щеголем. Его кушак был шелковый, шитый золотом, сабля сверкала позолотой. На шапке горел изумруд.

Сотник Мнишека одет скромнее, но также добротно. Синий жупан, перепоясанный ярким кушаком, шаровары синего цвета, и желтые сапоги тисненой кожи. На его боку красовалась сабля в украшенных серебром ножнах, и за кушаком было два пистоля.

– Я сотник надворной хоругви пана Мнишека Павло Деня.

К услугам пана.

– Пан воевода у себя?

– Вчера только прибыла его милость, – ответил сотник. –
Всю неделю в военном лагере пробыли. Смотрели воинство
пана Димитрия.

– И много там воинства?

– Дак почитай две тысячи уже. Скоро выступаем.

Нильского это удивило.

– Выступаете?

– Да, пан, разве не слышал о походе? Мы двигаемся в
Московию. Станем добывать трон для пана Димитрия.

Похоже, что старый еврей Рафалович и вправду многое
знал о том, что происходит в замке...

Пан коронный гетман Ян Замойский, отправляя Нильско-
го в Самбор, говорил с ним:

– Сколь много я трудился на благо матери-отчизны, Ян.
Сколь много!

– Заслуги вашей милости всем известны, – сказал Ниль-
ский.

– Чего стоят заслуги, если они все пустят прахом. Все, что
создавали короли и вельможи умнее и лучше них! Они там
собирают войско из всякого сброда. Они пользуются попу-
стительством короля Сигизмунда¹⁵, этого коронованного ту-

¹⁵ *Сигизмунд Третий – король польский с 1587 года, король шведский с 27

пицы. Он не понимает что делает! И не желает слушать разумных советников.

Нильский моча слушал старого князя.

– Король поддержал беглого монаха и признал его царским сыном! Но даже по виду сей принц вовсе не принц, но самозванец, по коему плачет виселица! Вы его видели, Ян?

– Ваша милость говорит о московском госте?

– Да! Вы ведь видели самозванца при королевском дворе?

– Да, ваша милость.

– И как он вам? – князь строго посмотрел на поручика.

– Я видел его только издали, но держался он величественно. Хотя его рост подкачал. Он много ниже короля.

– В нем все выдает его низкое происхождение! – вскричал Замойский. – И король Речи Посполитой! Король! Ведет с ним переговоры! Как низко мы пали! Вы передадите воеводе Мнишеку мои письма!

– Да, ваша милость!

– Он не имеет права собирать войска! Сие право могу дать лишь я – коронный гетман Речи Посполитой!

Князь негодовал долго, прежде чем отпустить Нильского.

– И кто этот Мнишек? Кем себя возомнил? Неужели он и взаправду думает, он есть полководец и политик? Авантюрист! Затевать войну с Московией!

Пан Ян Замойский был уже стар, но осанку сохранял

величественную. Соратник великого Стефана Батория¹⁶, в прошлом секретарь короля, затем великий канцлер коронный, этот вельможа много потрудился для славы Речи Посполитой.

Князь был одним из самых образованных вельмож того времени. Он учился в Париже, Падуе, Страсбурге. Именно он основал в городе Замосць знаменитую Замойскую академию.

Он изначально был настроен против самозванца, который именовал себя сыном Грозного царя. Князь считал это авантюрой и не разделял мнения короля и многих вельмож, которые захотели использовать самозванца в своих целях...

И вот пан Нильский видит, что князь совершенно прав. Затея с армией зашла столь далеко.

– Пан сотник сказал, что армия выступает? – переспросил Нильский.

– И я сам иду с армией в Московию, пан. Сколь можно сидеть без дела.

– Но у Речи Посполитой нет войны с московским царем.

– Но нас поведет сам московский наследник трона принц Димитрий! Он по праву рождения законный государь Московский.

Нильский не стал спорить с сотником...

¹⁶ *Стефан Баторий – король Речи Посполитой.

В замке воеводы Мнишека было полно людей. Здесь собрались шляхтичи с южных окраин, всегда охочие до войны. Эти паны мечтали о большой добыче и были готовы взяться за сабли.

Нильский знал, как нелегко управлять этой вольницей. Они понимали только силу и склонялись лишь перед ней.

– Эй, сотник! – их остановил в коридоре высокий шляхтич в сером кунтуше. – Как голова после вчерашнего?

– Пан Бучинский!

Они пожали друг другу руки.

– Могу и сегодня пригласить пана сотника в трактир. Горилка там не перевелась. Старый жид Рафалович сегодня завез новую партию!

– Я составлю компанию пану Бучинскому. Только провожу пана поручика.

Бучинский церемонно поклонился Нильскому и представился.

– Велимир Бучинский.

– Ян Нильский. Прибыл от его светлости коронного гетмана.

Бучинский еще раз поклонился и сказал:

– Так пан от самого коронного гетмана? До пана воеводы? Так вон идет пан мажордом Валевский.

Сотник встрепенулся:

– Где?

– Да прямо перед вами, пан сотник!

Сотник Деня увидел мажордома воеводы Владислава Валевского. Он подошел к нему и, указав на Нильского, все объяснил.

– Я проведу пана посланца к его милости. Вы можете идти, пан сотник!

Пан Владислав, молодой человек, не старше самого Нильского, был высок ростом. Одет изысканно, по европейской моде: в колет черного цвета с серебряным галуном, с бантами, пуговицами и с большим кружевным накладным воротом.

– Пан прибыл от пана коронного гетмана? – осведомился мажордом.

– Так, пан. Ян Нильский от его милости пана коронного гетмана до вельможного пана воеводы сандомирского.

– Я сразу проведу пана к воеводе. Прошу вас, пан Ян.

– Следую за вами, пан Владислав.

Мажордом провел гостя через переход к рыцарскому залу, в котором стояли изваяния королей и воевод, рыцарские доспехи, а под сводами укреплены древки со старыми знамёнами.

– Перед вами, пан Ян, рыцарский зал славного самборского замка. Многие из этих пыльных знамен реяли над хоругвями в боях с османами и татарами.

Нильский остановился перед статуей Стефана Батория и отдал дань уважения великому королю, который столь много сделал для величия Польши.

Мажордом провел Нильского через зал в полутемный длинный коридор, слабо освещенный факелами. Посланец великого гетмана понял, что его ведут запасным ходом. Очевидно, пан Валевский не хочет делать его визит достоянием обитателей замка.

– Пан Владислав нарочно повел меня этим ходом? – спросил Нильский.

Валевский согласился.

– Но меня все равно видели. И о моем визите узнают.

– Это так, пан Ян. Но узнают не сразу.

– Я нежеланный гость в замке. То мне понятно.

– Пан коронный гетман не сильно любит нашего воеводу, пан Ян. Приязни между ними нет. А я лишь выполняю свой долг. Может пан воевода и не станет скрывать от общества визит пана. Но то решать пану воеводе.

– Я совсем не держу обиды на пана мажордома.

– А вот и покои моего господина.

Валевский показал на двери, перед которыми стояли два вооруженных охранника.

– Я доложу о вас.

Мажордом исчез, но вскоре вернулся.

Нильского пропустили в богато украшенный приёмный покой воеводы. Там были три человека. Сам воевода сандомирский Мнишек, его дочь панна Марина и молодой человек в синем расшитом серебром польском кунтуше.

– Пан Нильский от его вельможной милости коронного

гетмана Ржечи Посполитой Яна Замојского к пану воеводе! – громко провозгласил мажордом и пропустил Нильского.

Юрий Мнишек был мужчина плотного сложения, роста среднего в плечах широкий. Он строго посмотрел на шляхтича.

Нильский на хороший прием и не рассчитывал, он понимал, что пан воевода сандомирский и пан великий гетман, посланником которого Ян являлся, недолюбливали друг друга. Но Мнишек, вдруг, сменил гнев на милость. Его суровый взгляд смягчился.

– Пан! – воевода позволил молодому офицеру подойти.

Ян приблизился и поклонился.

– Поручик гусарской хоругви его королевской мосци Ян Нильский! Посланец великого гетмана!

– Я воевода Мнишек! Пан имеет пакет от великого гетмана?

Нильский еще раз поклонился и передал пакет. Мнишек принял его и сказал шляхтичу.

– Рад видеть посланца великого гетмана Речи Посполитой, – вельможа сломал печати.

Нильский видел, как на него смотрит панна Мнишек и второй пан в роскошной одежде. Шляхтичу пока их не представили, но пан Ян хорошо понимал, кто стоит перед ним.

Воевода вытащил письмо и прочитал его. Его лицо стало суровым. Тон письма был более чем резок. Он поднял глаза

на Нильского:

– Пан гетман запрещает нам собирать войска? Но я писал пану гетману! Он получал мои письма?

– Того я знать не могу, пан воевода, – ответил Нильский.

– Неужели пан коронный гетман не понимает? – продолжил Мнишек. – Неужели он не видит выгод сего дела? Он командует войсками Речи Посполитой!

– Не мне о том рассуждать! – ответил Нильский. – Я только посланец коронного гетмана!

– Прости меня, пан, – сказал воевода Мнишек. – Обидеть не хотел. Вот перед тобой царевич Димитрий Иванович.

Мнишек представил шляхтичу самого самозванца. Нильский поклонился. Царевич улыбнулся и сделал шаг к шляхтичу. Затем он протянул ему руку.

– Рад знакомству, пан.

Нильский ответил на рукопожатие.

Роста Димитрий был небольшого, гораздо ниже самого поручика, но был широк в плечах, и талии почти не имел. На круглом его лице не было ни усов ни бороды. Подле носа царевича росли две большие бородавки. Это портило его лицо, но открытость и доброжелательность сразу убирали негативное восприятие внешности царевича.

– Царевич Димитрий Иванович, наследник русского трона! – продолжал воевода. – Он сын царя Ивана. И его величество Сигизмунд Третий, наш король, соизволил оказать принцу поддержку.

– Вы, пан, как слуга коронного гетмана, не сочувствуете моему делу? – с улыбкой спросил Димитрий. – Это так?

– Я только служу князю ЗамоЙскому, пан царевич. Я поручик гусарской хоругви. Персона не великая. Выполняю приказы.

– Так молод и уже поручик? – спросил самозванец, хотя ему было не больше лет, чем самому Нильскому.

– Мой господин отметил меня. Хотя я недостоин сего высокого отличия.

– И скромн! Не желаешь ли, пан, служить мне? – спросил Димитрий. – Я верну себе трон моего отца! И тогда смогу вознаградить верных.

– Простите, ваша милость, но у меня уже есть господин.

– Так, пан, отказывает царевичу? – вмешалась в разговор Марина Мнишек. – Пан, не желает служить во имя чести?

– Марина! – строго одернул дочь Мнишек. – Простите её, пан поручик.

Марина была одета с роскошью, в парчовое платье с позументом и кружевами. В её волосах сверкала жемчужная сетка.

Ян много слышал про эту амбициозную панну. Она совсем не была красавицей. Тонкие губы, вытянутое бледное лицо, длинный нос. Глаза её горели недобрыми огоньками и были готовы испепелить Нильского.

– Так, пан, не ответил, – настаивала она.

– Я слуга коронного гетмана, милостивая пани! – ответил

Нильский с поклоном.

– Марина! – снова вмешался Мнишек.

Его дочь сумела быстро оценить Нильского. Статный с приятным лицом, с девичьим румянцем на щеках, с модными завитыми усами, он выгодно отличался от «царевича».

«Какой, однако, красавец, – думала Марина. – Вот сего шляхтича можно иметь в своих фаворитах».

Высокий и красивый шляхтич сразу очаровал её. А Марина Мнишек привыкала получать то, что ей нравилось.

– Так пан отказывает мне? – она снова пошла в «атаку» и отмахнулась от отца.

– Панна, изволит о чем-то просить? – спросил Нильский. Хотя он прекрасно понял Марину.

– Пусть, пан поручик, присоединится к войску принца. Димитрий идет воевать за святое дело, – откровенно высказалась она.

– Если бы я не дал слово шляхтича и присягу моему князю, то непременно согласился бы с панной! – Нильский поклонился Марине.

– К вам обратилась с просьбой Марина Мнишек! – произнесла она торжественно. – Я выделяю не каждого!

Мнишек с гордостью посмотрел на дочь.

«Истинная царица! Она достойна занять трон Московии. Моя Марина рождена для величия!»

Димитрий примирительно похлопал Нильского по плечу.

– Завтра мы с воеводой приглашаем пана в лагерь нашего

войска.

На том аудиенция у воеводы и кончилась. Юрий Мнишек и принц Димитрий покинули покой. Но вниманием Нильского завладела панна Мнишек.

– Пану уже выделили комнату в замке? – спросила она.

– Нет, милостивая панна. Я только прибыл в Самбор.

– И сразу к моему отцу? Впрочем, это видно по вашему дорожному, но пыльному платью, пан поручик.

– Прошу прощения у милостивой панны.

Нильский снова поклонился.

– Я сама подберу покои для пана поручика. Покои достойные кавалера благородного рода.

– Прошу меня простить, милостивая панна, но я роду не знатного. Я лишь слуга князя Замойского. Я не столь высокого рода как панна.

– Вы шляхтич по виду, пан Ян. А что до знатности..., – она сделала паузу и продолжила. – А что до знатности, то я смогу поднять пана высоко.

– Достоин ли я внимания панны?

Мнишек прикоснулась к его подбородку своими тонкими и красивыми пальцами.

– Достойны, пан кавалер...

Нильский слышал о том, кто такая Марина Мнишек. Она была горда и многим женихам отказала, хотя сотни девиц в Польше и Литве почли бы за счастье выйти замуж за сих ка-

валеров. Но Марина мечтала о короне. Он верила, что рождена повелевать. Она ждала достойного кандидата на свою руку.

– Пан кавалер, должен почувствовать гостеприимство дома Мнишек.

– То большая честь для меня, милостивая панна.

– Пан Валевский! – Марина позвала мажордома.

– Милостивая панна! – мажордом склонился перед Мариной.

– Размести, пан, сего кавалера в покоях, про которые знаешь.

– Как прикажет панна! – еще раз поклонился Валевский.

Он провел поручика к тому крылу в замке, где размещалась знать, а не мелкие шляхтичи и офицеры.

– Сии покои знак высокой милости, пан, – сообщил Валевский. – Панна Мнишек выделяет не каждого. Пан понимает меня?

– Не могу понять с чего мне такая честь, пан мажордом. Я прибыл от князя Замойского и потому на хороший прием не рассчитывал.

– Но панна Мнишек отметила, пана кавалера. И через панну высокий жребий коснется и его.

– То для меня загадка, пан мажордом.

– Все скоро прояснится, пан кавалер.

Нильский познакомился со своими покоями. Комната была разделена на две части высокой ширмой, расписанной яр-

кими красками. Мебель дорогая – столы с витыми ножками и резные стулья с львиными головами на подлокотниках. За ширмой роскошная большая кровать с перинами и подушками.

– Пусть пан кавалер располагает. Я прикажу слугам принести ваши вещи.

– У меня их мало, пан мажордом. Все приторочено к седлу моего коня.

Валевский поклонился и ушел. И не успела за ним закрыться дверь, как в комнату с другой стороны вошла панна Мнишек.

Шляхтич никак не ожидал её увидеть так скоро.

– Пану нравится? – спросила она.

– Роскошно, милостивая панна.

– Здесь есть второй ход, пан кавалер. И сие весьма удобно.

– Панна говорит...

– Я говорю об удобстве для пана кавалера. Ведь пан любит женщин?

– Панна смущает меня.

– Не верю, пан. Вы смущаетесь? Вы избалованы вниманием женщин. Я вижу это, пан кавалер. И в замке Мнишек у вас не будет в них недостатка. Спать на такой кровати одному – кощунство.

Марина помогла Яну разместиться в роскошных покоях и оставила его. Слуги принесли его вещи и доложили, что с конем пана все в порядке.

Но как только Нильский переоделся, в двери его комнаты постучали. Он не успел ответить, как щелкнул замок, и в комнату вошла молодая девушка лет 17-ти.

Она была в сиреновом плаще с капюшоном поверх простого платья. На ней не было украшений кроме сережек с изумрудами. Но, впрочем, украшения девушке были не нужны. Её собственная красота и юность были лучшими сокровищами, коими одарила её сама мать природа.

Стройная и гибкая, с высокой грудью, прелестным личиком и большими глазами. Она влетела в комнату и, увидев, Нильского, остановилась.

Шляхтич поклонился.

Она помолчала несколько мгновений.

– Пан? Простите. Я вас не знаю.

– Ян Нильский, гусарский поручик надворной хоругви князя Яна Замойского! – представился шляхтич.

– Елена, – она назвала лишь имя.

– Рад знакомству с панной!

– Простите, я не знала, что комнаты сии уже заняты.

– Меня поселили здесь менее часа назад, панна. Но если сии покои ваши, то...

– Нет, нет. Они не мои. Моя комнатка в другом крыле замка, пан поручик. Простите еще раз и разрешите мне удалиться.

– Как прикажет, панна. Но панна пришла сюда не просто так?

– Я бывала здесь втайне от остальных, пан. И пусть пан сохранит мой секрет.

– И панна знает тайну второй двери? – Нильский указал на другой вход.

– Знаю, пан. Но я не стану вас беспокоить, пан.

– Панна не беспокоит меня. Я рад такой встрече.

– Простите меня, но я должна покинуть вас, пан Ян.

– Но могу я надеяться встретить панну еще раз?

– Пан желает видеть меня?

– В том вина самой панны. Панна так красива...

– Пан знает кто я?

– Панна назвала лишь имя. Но могу сказать, что панна достойна имени Елена. Как та царица, ради которой началась троянская война.

– Пан прибыл надолго?

Нильский ответил утвердительно. Теперь он здесь задержится.

– Тогда возможно мы и встретимся.

После этого девушка исчезла из комнаты. Но спустя пять минут в двери снова постучали.

«Неужели она вернулась?»

Стук повторился.

Ян сам впустил нового посетителя. Это был его знакомый еврей Рафалович.

– Рафалович сразу пришел к пану, ибо слышал, как пан сразу добился успехов.

Нильский не понял еврея.

– Каких еще успехов, пан Рафалович?

– Как же, пан кавалер! Только прибыли в замок! Только прибыли и уже сама панна Мнишек подыскивает вам покои! То дорогого стоит, не будь я Рафалович! Дочь воеводы выделила вас.

– Панна Мнишек оказала мне честь, – согласился Нильский.

– Впрочем, старый Рафалович сие знал и до этого. И Рафалович принес вам новое платье, пан кавалер.

Еврей щелкнул пальцами и двое слуг внесли в комнату тюки.

– Простите, пан купец, но я не хочу покупать новое платье.

– Так пан еще не видел, что Рафалович ему принес. А как пан увидит, то и сразу захочет купить.

Еврей развернул первый тюк и показал шляхтичу отличный французский колет алого бархата с золотым галуном и роговыми пуговицами.

– Пусть пан потрогает бархат! Это райское наслаждение. Какова ткань? Что скажет пан?

Нильский отметил, что колет хорош.

– И новомодные штаны для пана кавалера из такого же бархата с бантами. Из самой Франции, пан кавалер. А кружева, пан? Какие кружева принес вам старый Рафалович.

Нильский благодаря щедрости князя Замойского имел в

кошеле 500 злотых. И вскоре двести из них перекочевали в кошель Рафаловича.

Колет, штаны, сорочка с кружевами, сапоги и модные туфли с пряжками, короткий плащ и шляпа с пером: были разложены на кровати шляхтича.

– Как хорошо звенит золото, пан кавалер. В этом замке мне не часто приходится слышать этот волшебный звон. Мелкая шляхта все желает получить в долг.

– Так и я из мелкой шляхты, пан купец.

– Я не имел в виду пана кавалера. Разве пан мелкий шляхтич? Рафалович не хотел сказать того. Это было бы обидно для пана кавалера.

– А, пан купец, знает всех в замке? – спросил шляхтич, после того как еврей пересчитал золото.

– В замке несколько сот слуг, пан. Да множество шляхты съехалось. Да наемники принца Димитрия. Новых людей много, но кое-кого старый Рафалович знает. Кто интересуется пана?

– Я встретил девушку.

– Девушек здесь много.

– Её имя Елена. Но это все, что я знаю. Она божественно красива.

Рафалович всплеснул руками.

– Пан в замке не больше часа, а узнал столь много! А я говорил пану, что женщины здесь особенные.

– Но я не узнал кто она, пан Рафалович. Я встретил её

случайно. Она вошла в эту вот комнату, и удивилась, увидев, здесь меня.

– И пану запомнилась девица?

– Её трудно не запомнить. Меня как громом ударило.

– И пан желает знать кто она?

– Желая. Она рода незнатного, судя по платью.

Еврей хохотнул в ответ.

–Сия Елена, пан, прибыла в замок вместе с принцем.

–Что? – не понял Нильский.

–С принцем Димитрием Ивановичем. Она из его свиты.

–Значит... Значит она...

Лицо шляхтича залила краска. Он подумал, что это любовница царевича. Вот почему она так свободно гуляла по замку. Но купец поспешил его разубедить.

–Нет, пан. Она не любовница принца. Сия девушка чиста как майская роза.

–Не понимаю, пан Рафалович.

–Так старый Рафалович все объяснит пану кавалеру.

–Если она прибыла в свите принца Димитрия, то неужели он не обратил внимания на такую красоту?

–Как можно, пан кавалер? Елену заметили все.

–И царевич любит её?

–Любит, – ответил Рафалович.– Но принц Димитрий любит Елену не как простую девушку, пан кавалер.

–Вот как? Пан купец меня заинтересовал!

–Сие страшная тайна, пан кавалер. Но! – еврей поднял

вверх указательный палец правой руки. – Но про сие знают все.

– Пан купец говорит загадками.

– Сие знают все, но притворяются, что не знают, пан кавалер. Эта девушка сестра принца.

– Что?

– Димитрия Ивановича.

– Не могу вас понять, пан купец. Но я никогда не слышал о том, что с принцем прибыла и дочь царя Ивана.

– Она не дочь царя, пан кавалер. И потому здесь она дочь дьяка из Московии именем Ждан Порошин. Елена принята при дворе как дочь Порошина. Но всем ведомо, что она дочь московского дворянина Отрепьева.

Нильский все понял. Она сестра самозванца! Родная сестра! Но Юрий Отрепьев принял имя Димитрия Ивановича и не мог признать Елену.

– Сей Ждан Порошин беглый из Московии. Говорят, царь Борис приказал его пытаться. Но дьяк ушел в Литву. И вот он при дворе принца. И Димитрий попросил его признать Елену дочерью. Ей надобно официальное положение при дворе воеводы Мнишека.

Нильский обрадовался:

– Это просто отлично, пан купец. Вы принесли мне хорошие вести и я не жалею о потраченных деньгах!

– Пан так радуется тому, что девица сестра принца?

– Я радуюсь, что она мне ровня, пан купец. Стало быть, я

смогу ухаживать за панной.

– Пан?

– Я могу ухаживать за панной Еленой.

– Пусть пан забудет про сие.

– Это еще почему? – спросил Нильский. – Она не княгиня и я могу просить руки этой девицы. Я шляхтич.

– Что пан говорит? – удивился еврей. – Пан только раз и видал сию девицу. И говорит об узах брака?

– И что с того?

– Но сие опасно для пана.

– Опасно? – удивился Нильский. – Я не богат, но я хорошего рода. И брак со мной не порука для чести дочери дьяка Порошина. Иное дело, когда девица царских кровей.

– Дело не в крови, пан поручик. У девицы есть воздыхатель.

– Воздыхатель? При её красоте это неудивительно, пан купец.

– Но это весьма преданный воздыхатель.

– И кто он? – спросил Нильский.

– Пан Велимир Бучинский.

– Я видал сего пана. И не уступлю ему.

– Возможно, – согласился Рафалович. – Хотя пан Бучинский забияка известный. И мастер рубиться на саблях. Но главная опасность для пана кавалера не в нем, а в панне Мнишек.

– В панне Марине? Но она нареченная невеста принца.

–И что с того? – усмехнулся еврей. – Вы прибыли от его милости коронного гетмана, пан кавалер.

–Это так, – согласился Нильский.

–И думали сразу уехать?

–Как только получу ответ от воеводы для моего господина князя Замойского.

– Но пан изменил мнение, увидев Елену? – спросил еврей.

– Это правда, пан купец.

– Так я скажу пану, что для того она здесь и оказалась. Елену направили сюда не случайно, пан кавалер. Но она лишь оружие панны Мнишек.

– Но панна Мнишек гораздо выше меня по положению.

– И что с того, пан? Панна Марина не собирается замуж за пана поручика. Но она уже скоро напомнит пану о себе.

– Скоро?

– Панна Мнишек не любит ждать.

– Пусть бы напомнила про себя панна Елена.

– И это может быть, пан кавалер.

– Что пан сказал? Неужто сие правда?

– Эх, пана кавалера зацепила девица.

Нильский действительно был любимцем шляхтянок при дворе Замойского. Но такой как панна Елена он никогда не видел.

– Она не могла не зацепить, пан купец. Это богиня, а не женщина.

Рафалович понял, что шляхтича не хотят сразу отпускать

из замка. Слишком быстро все складывалось. А купец не верил в случайности в самборском доме Мнишека. Кое-кто сразу понял, как заставить сего пана задержаться. Этот ради красивой шляхтянки способен на многое.

Еврей попрощался и покинул покои Нильского.

«А это интересно. Затеваается интрига. Старому Рафаловичу стоит понаблюдать за сим паном. И старый Рафалович сделает это!»

Глава 2

Ночью все кошки серы.

Самборский замок.

Покои Марины Мнишек.

Вечер.

Марта, ближняя служанка Марины Мнишек, была красавицей. И не будь у Марины такого самомнения, она ревновала бы к красоте этой стройной девушки из простого рода. Но дочь воеводы Сандомирского считала, что её собственная красота многократно превосходит красоту всех женщин Польши и Литвы. Потому Марта была доверенной всех тайн Марины, и госпожа и служанка не скрывали друг от друга ничего. Они были во многом подругами, хотя шляхтянка никогда не забывала своего положения и не допускала и тени фамильярности.

Красота Марты, и её близость к панне Мнишек, делали её желанной для многих мужчин Самборского замка. Мелкие шляхтичи даже дрались из-за неё на дуэлях. И всего неделю назад одна такая дуэль закончилась смертью венгерского наемника, который давно имел виды на Марту и сильно ей докучал.

Когда в замке впервые появился московский царевич, он также заметил Марту. И она первой познала ласки самозван-

ца. Конечно, для Марины это не осталось тайной, но она не ревновала. Для неё главным объектом желания была корона и Марина считала, что все средства хороши для достижения высокого жребия, который, как она считала, был предназначен ей судьбой. Мнишек даже поощряла Марту к этому роману. Так она могла знать все, что происходит в голове у царевича, который был весьма разговорчив с любовницей.

Но сегодня Марта хлопотала не о себе, а о своей госпоже.

– Он сказал тебе, что желает меня? – спросила Мнишек служанку.

– Так и сказал, моя панна. И он не стеснялся в выражениях. Он не скрывал того чего хочет, как обычно это делают кавалеры.

– Он столь груб?

– С чего панна вязала, что он груб? Он просто спросил напрямик.

– Это ли не грубость?

– Пусть панна так не говорит. В его откровенности было столько страсти.

– И что ты ответила?

– Могла ли я отвечать от имени панны? Ныне он хочет не меня. И он слишком нетерпелив.

– Вот как? Он ждет ответа?

– Один из его слуг ждет ответа за этой дверью. И он сказал, что будет просто счастлив, если сама панна напишет ему.

– Напишу? Своей рукой? Ну, нет. Этого я делать не стану.

– Но панна удостоит его посещением? Ведь он этого ждет и от этого многое зависит в жизни моей панны. А панна уже много раз отказывала ему.

– Я не отказывала, Марта. Я только отодвинула час, когда стану принадлежать ему. Разве заслужил он ласки Марины? Что он сделал для этого? – спросила Мнишек.

Марта ответила:

– Он сделал много, моя панна. Он собрал целое войско для похода и готов подарить моей панне царство.

– Пока это только слова, Марта. Войско же собрал для него мой отец. Это имя Мнишека привлекло к Димитрию шляхту. Сам он набрал только отряды казаков и нескольких русских перебежчиков. Разве это войско? И платит им мой отец.

– Пан Мнишек только обещал заплатить, моя панна, – поправила Марину Марта.

– Слово Мнишека стоит дорого! – гордо заявила Марина.

– Так пан царевич останется без женской ласки на эту ночь?

– Почему же? Он получит кое-что.

– Как понять мою панну?

– Где он намерен встретиться со мной? – спросила Мнишек.

– В ваших покоях, моя панна.

– Так передай ему пусть в полночь приходит в мои покои.

– Панна?

– Передай ему эти слова, Марта. Пусть принц тайно приходит в покои Марины Мнишек в полночь...

Самборский замок.

Покои пана Нильского.

Полночь.

Нильский проснулся от прикосновения чьей-то руки.

Рука была женская и, поначалу, шляхтич думал, что он все еще спит. Слишком трудно было отличить реальность от грез. Но тихий голос заставил его проснуться:

– Пан уже не спит. Пан попал в волшебную страну.

Свечи были потушены и на окнах плотные шторы не пускали внутрь лунный свет. Ян не мог вдеть ту, кто рядом с ним.

– Кто здесь?

– А кого пан желал бы видеть в эту ночь рядом?

Воображение нарисовало образ красавицы Елены.

Голос ответил:

– Пан так красиво думает.

– Панна прочитала мои мысли?!

– А почему я не могла прочитать их, пан кавалер?

– Панна колдунья.

– И мое колдовство особого свойства. Пан кавалер.

Нильский содрогнулся. Это была она! Только она могла говорить так!

– Панна? – горячо прошептал Ян. – Панна? Я все еще

сплю!

– Нет, пан, – тихо прошептал голос. – Пан думал обо мне. Я прочитала его мысли и явилась выполнить его желания.

– Я не мог не думать, милостивая панна. Ваша красота сразу сразила меня.

– Пан говорит сие не в первый раз? – тихо спросила красавица.

– Я в первый раз говорю искренне, милостивая панна. Как только моя панна вошла в эту комнату я понял...

Она притянула его к себе. Руки красавицы были сильные.

– Пусть пан полюбит меня.

– Панна уверена?

– Пан спрашивает? Я в руках пана.

– Но...

– Меньше слов, пан. Я в твоей воле. Эта ночь твоя.

Нильский отыскал губы красавицы. Он вдохнул запах её волос. Больше они ни о чем не говорили...

Самборский замок.

Покои панны Елены.

Утро.

Дмитрий Иванович встретил сестру утром. Она возвращалась в свою комнатушку. Быстро вставила ключ в замок и отворила двери.

– Елена!

Девушка вздрогнула и оглянулась.

– Юрий? Ты напугал меня.

– Меня зовут Димитрий! Сколь раз говорено про сие!

– Но мы одни. Рядом никого нет.

– Все равно. Я Димитрий Иванович. И никогда не забывай про это!

Они вошли в комнатку Елены. Самозванец сел на стул.

– Где ты была?

– Выполняла твою просьбу. Слушала разговоры в тайной комнате.

– Они уже собирались? – спросил самозванец.

– Да. Пан Мнишек и с ним двое других. Они прибыли тайно.

– И кто они?

– Князь Вишневецкий и князь Ружинский.

– Вот как? И Вишневецкий здесь?

– Был. Но он уже покинул Самбор. Прибыл сюда тайно под видом гусарского офицера. И прибыл при малой охране.

– Как ты узнала о том, что они соберутся нынче ночью?

– Хайм Рафалович рассказал.

– Этот хитрец знает многое. Мне нужно было видеть его еще вчера. Но мне нужны не его сведения, а его деньги. Мне нужна еще тысяча золотых. Я обещал войскам.

– Ты слишком много берешь в долг, Юрий.

– Димитрий Иванович! – поправил сестру самозванец.

– Хорошо, Димитрий Иванович! И тебе стоит остановиться.

– Воевода Мнишек берет еще больше. Но хватит про это, Елена. Что они говорили? Они окажут мне помощь?

– Они обеспокоены приездом посланца от Замойского. Коронный гетман против твоей затеи. Они говорили не только по-польски, и я не все поняла. Тот второй язык мне неизвестен.

– Но что они сказали? Что сказал Вишневецкий?

– Он стоит за тебя.

– Да?

– А как иначе. И Ружинский за тебя.

– А сенатор Сапега? Что они говорили про него?

– Сенатор на твоей стороне. Но король Сигизмунд колеблется. Группировка знати, которую возглавляет Замойский, слишком сильна при дворе. Это было в письме Сапеги, которое читал Вишневецкий.

– Это мне и так известно.

– Но сюда прибыл этот шляхтич.

– Посланец Замойского?

– Да. И он сможет нам помочь. Вернее, сможет помочь тебе, Юрий.

– Не ты ли мне посоветовала все это, Елена? Не из-за тебя ли я стал скитальцем?

– Но ты получил возможность стать царем. И я сделаю все, чтобы твою голову, Юрий, украсила корона...

Самборский замок.

Покои панны Марины.

Утро.

Марина Мнишек вернулась в свои покои. Верная Марта открыла госпоже двери, услышав условный стук.

– Хорошо, что мой отец занят сейчас войсками и предстоящим походом, – сказала Мнишек, сбрасывая накидку на руки служанки.

– Пан воевода, как говорят, ночью принимал гостей.

– Гости?

– К нему прибыли князь Вишневецкий и пан Ружинский.

– Значит, вопрос о походе решен.

Марта отметила про себя, как небрежно было застёгнуто платье на Марине. Сразу видно, что одевалась она наспех и сама. Её ночь утех удалась.

«Её прямо распирает от желания мне все рассказать. Тот шляхтич оправдал ожидания, а такое случилось не так часто».

Марина села на кровать и откинулась на подушки.

– Панна желает...

Мнишек прервала служанку приказом:

– Марта, садись рядом.

Женщина села и спросила дочь воеводы:

– Панна вернулась с победой?

– С полной победой, Марта.

– «Крепость» выкинула белый флаг?

– Почти сразу, – самодовольно заявила Мнишек. – Хотя

молодые мужчины иногда бывают просто смешны.

– И как он?

– Поначалу был даже робок.

– Робок? Можно ли поверить, моя панна?

– Я сказала поначалу. Но потом... Потом он показал себя как нужно.

– Панна может его сравнить с...

– Он просто лев, Марта.

– Лев? Это слишком сильно, панна.

– Я знаю, что говорю, Марта.

– Моя панна не часто хвалит ночных кавалеров.

– Раньше их не за что было хвалить. Это были не те кавалеры. Но этот на высоте! Он красив не только внешне, он весьма хорош на поле любви.

– Но панна не хочет сказать, что бросит все...

– Нет. Мой путь к трону лежит через постель принца Димитрия. Я уступлю ему в свое время.

– Пусть он сделает панну царицей. Пусть бросит к её ногам Московию. Я помогу панне переодеться.

Мнишек дала Марте исполнить обязанности служанки, которая всегда помогала госпоже одеваться и раздеваться.

– Я иногда сомневаюсь в нем, Марта.

– В московском принце?

– А в ком еще? Не в пане же Нильском. Царевич Димитрий пока загадка. Так ли он честолюбив? А если он не добудет трона?

– Но король и многие вельможи за него. Они посадят его на трон!

– Мой отец думает так. Но все же, иногда меня посещают сомнения. Если он слаб в постели, то, может, он слаб и на поле боя?

– Пусть панна не наговаривает на царевича. Он не слаб в делах любви.

Марина Мнишек усмехнулась этому заявлению служанки.

– Марта, он взял тебя нынче ночью?

– Да, и не один раз.

– Он понял, что в его кровати ты, а не я?

– Сразу понял, моя панна. Хоть в покоях и было темно, как велела панна.

– Он сказал тебе?

– Не стоит забывать, что мы с ним были не первый раз.

– Но ведь в темноте все кошки серы. Так ведь говорят?

– Он назвал меня Марта. И сделал это сразу, еще до первого раза.

– И все?

– Он сказал: «Пусть будет так».

– И он был доволен?

– Моя панна плохого обо мне мнения, – с усмешкой стростила красавица-служанка. – Ваш жених у моих ног. Но я не посягаю на право панны.

– Что за право? Пусть спит с тобой. Но ты не надоешь ему быстро?

– Панна обижает меня. Меня быстро не бросают, хоть я не так красива и свежа, как моя панна.

Марта лукавила. Она слишком хорошо знала о своей красоте и о том, что как женщина была гораздо привлекательнее панны Марины. Но она всегда льстила девице Мнишек, а та принимала эту лесть за чистую монету.

Марина спросила:

– И он тебе самой нравится?

– Вы о постели, моя панна? – спросила Марта с усмешкой.

– Да.

– Принц силен в этом деле.

– Этот московский гость здесь волочится за каждой юбкой. Еще бы. На Москве его не баловали вниманием такие женщины.

– Но разве панна уверена?

– Уверена в чём? – спросила Мнишек.

– В том, что пан Димитрий не царевич? Он много скитался и много пережил. Его могли скрывать верные люди.

– Оставь, Марта. Он такой же сын Грозного, как ты дочь короля Франции. Нет! Он не царского рождения, но он может занять трон! И что мне до того, кто его отец? Пусть подарит мне корону!

Мнишек осталась в одной рубашке с кружевами и осмотрела свою фигуру в зеркале.

– Панна прекрасна, – сказала Марта.

И Марина с ней была согласна...

Глава 3

Войско принца Димитрия.

*Товарищи! Мы выступаем завтра
Из Кракова. Я, Мнишек, у тебя
Остановлюсь в Самборе на три дня.
Я знаю: твой гостеприимный замок
И пышностью блистает благородной
И славиться хозяйкой молодой. –
Прелестную Марину я надеюсь
Увидеть там. А вы, мои друзья,
Литва и Русь, вы братские знамена
Поднявшие на общего врага,
На моего коварного злодея,
Сыны славян, я скоро поведу
В желанный бой дружины наши грозны...
А.С.Пушкин «Борис Годунов».*

Самбор.

Сентябрь 1604 года.

Лагерь армии самозванца.

В лагере под Самбором среди шатров и многочисленных знамен шли военные игрища. Шляхтичи соревновались в искусстве владеть оружием. Звенели сабли и гремели выстрелы.

лы из мушкетов.

Немецкий капитан муштровал наёмников с пиками и с презрением истинного солдата косился на шляхту.

– Посмотри, Клаус, – сказал он своему сержанту, – на этот сброд. Они почитают себя солдатами.

– Нам с ними выступать в поход, капитан. И если бы мы стояли против шведов, я не дал бы за этих вояк и медного гроша.

– К счастью, мы идем не на шведов, Клаус. Но и твои пикинеры никуда не годятся.

– Это тридцать оборванцев – новый набор, капитан. Я сделаю из них солдат.

– Слишком мало времени для этого. Это крестьяне, а не солдаты.

– Они и были вчера крестьянами, капитан. Это беглые земледельцы из венгерских земель. Но из них выйдут отличные воины. Знаю это по опыту...

Мушкетеры дали залп из мушкетов по цели и офицер отметил, что стреляли они недурно.

– Будь у меня тысяча таких солдат, я дошел бы до самой Москвы! – хвастливо заявил он.

– Но здесь всего пятьдесят солдат, мой капитан, – сказал по-французски второй офицер. – Эти умеют обращаться с мушкетом. Да еще с сотню можно набрать среди немцев из Гессена. Остальные новобранцы.

– А вот их дворяне недурно владеют саблей, лейтенант.

– Мне трудно назвать их дворянами, мой капитан. Это сущие оборванцы. Я предпочел бы им солдат из Европы.

– У здешнего принца не так много денег. Наемники стоят дорого. О! – воскликнул капитан. – А вот тот пан отлично отбил удар! Смотрите, лейтенант! И еще один удар!

– Это пан Бучинский, мой капитан.

– Тот самый? Я слышал про него. Принц Димитреус сделал его доверенным капитаном?

– Пан Бучинский стал другом московского наследника, мой капитан. Но это редкий негодяй.

– Среди наёмников это не новость, лейтенант. Среди наших солдат почти все негодяи и преступники. Главное вымуштровать из них солдат.

– Из наших солдаты будут. А вот из их шляхты, что получится? Они совершенно не поддаются управлению, мой капитан. Пьют вино и дерутся на саблях каждый день. А Бучинскому убить столь же легко, как выпить кружку пива.

Офицеры-наемники говорили о пане Бучинском. Лейтенант мушкетеров был совершенно прав. Именно таков был пан Велимир, отчаянный храбрец и забияка.

Его бы уже давно упекли в тюрьму, если бы не Мнишек. Это он пригрел шляхтича в своем замке, и он защитил его от королевских приставов. Пан Велимир убил на дуэлях несколько шляхтичей. И шляхтичи эти были весьма высоко-

го рождения.

Но и Мнишеку Бучинский быстро надоел. Снова он за-
теял ссору и убил противника. Пан Юрий избавился бы от
непокойного шляхтича, но появился царевич Димитрий.
Они сразу оценили друг друга – самозванец и шляхтич-за-
бияка.

С тех пор Бучинский стал доверенным московского царе-
вича. Он собрал вокруг себя отряд шляхты из поляков и лит-
винов, и они стали верной стражей самозванца...

Пан Бучинский одолел уже двоих противников, выбив у
них сабли. Затем он повернулся к Димитрию и церемонно
поклонился.

Принц Димитрий Иванович сидел на коне, рядом с вое-
водой Мнишеком и его свитой. Они наблюдали за учебными
поединками.

– Мои офицеры гусарской хоругви не знают себе равных.
Посмотри на этих молодцов, царевич.

Воевода указал на высоких офицеров из крылатых гусар.

– Но мои наемники ничуть не хуже! – хвастливо заявил
Димитрий. – Ко мне идут на службу воины.

– Царевич имеет в виду нищих шляхтичей и казаков? –
усмехнулся Мнишек.

– Украшение воина не тугой кошель, пан воевода. Укра-
шение воина сабля и рука, которая способна сию саблю дер-
жать.

– Не думаю, что твои бойцы, царевич, способны одолеть гусар!

– Сто золотых за моего бойца! – сказал царевич.

– Двести на моего! – заявил воевода.

– Идет!

Мнишек кивнул одному из офицеров. Димитрий – Бучинскому. Сверкнули клинки. Бучинский легко отбил атаку и сам нанес несколько ударов. Гусар хорошо владел саблей. Но шляхтич сразу сменил тактику, использовал ряд секретных приемов и обезоружил сначала одного противника, затем другого. Он фехтовал, используя татарскую манеру ведения боя, а не польскую.

Самозванец ухмыльнулся и посмотрел на Мнишека.

– Двести золотых, пан Мнишек!

– Они твои, царевич!

– Но я не вижу моего золота, пан воевода.

– Я передам его пану в замке.

Димитрий усмехнулся про себя. Он знал, как неохотно расстаётся с золотом пан Мнишек.

–Этого молодца я сам нанял на службу. Он будет при мне! – Димитрий Иванович похлопал себя по бедру. – С такими бойцами я легко возьму Москву!

Воевода Мнишек был недоволен. Уступать ему не хотелось. И он заметил Нильского.

– О! Пан поручик! Пан, ведь также гусар? Я не ошибаюсь? – спросил он шляхтича.

– Так, пан! – склонил голову Нильский.

– Не желает ли пан, постоять за честь крылатых гусар Речи Посполитой? – спросил Мнишек.

– Почту за честь, пан воевода!

Мнишек снова обратился к самозванцу.

– Царевич! Еще триста на сего шляхтича!

– Идет! – самозванец кивнул Бучинскому.

Тот стал в позицию. Нильский соскочил с коня и обнажил саблю. Он уже видел, что за противник стоит против него. Ян наблюдал за поединками Бучинского. В замке князя Замойского его учили разным фехтовальным стилям, и он знал, что противопоставить татарскому удару пана Велимира.

Бучинский попробовал атаку, но сразу понял, что этот противник будет покрепче прежних. Он стал осторожнее.

Они проверяли друг друга. Звенели клинки. Вокруг собрались многие шляхтичи и жолнеры. Они поддерживали бойцов криками.

Нильский перешел в атаку, но задеть противника не сумел. Тот отбил два его удара сверху.

– У пана отличная выучка, – сказал Бучинский.

– Мне преподавали сию науку хорошие учителя.

Снова атака. И снова Нильский вынужден был отступить.

– И я должен похвалить выучку пана. Пан отлично отражает удары.

– Я только присматриваюсь к пану. По-настоящему я еще не бился, – сказал Бучинский.

– Так не пора ли показать на что пан способен?

– Пожалуй!

Бучинский атаковал. Его сабля задела плечо Нильского и оборвала его жупан. Ян не успел отбить этот удар.

– В настоящем бою пана уже ничто бы не спасло.

Нильский атаковал. Бучинский отбил атаку.

– Пан стал горячиться!

– Пан Бучинский напрасно так думает! И в настоящем бою я все еще держал бы саблю, пан.

– Тогда пусть пан атакует.

Нильский снова пошел в атаку. Он сделал обманное движение и задел противника. Его клинок сорвал шапку с головы Бучинского.

– Что теперь скажет, пан? В настоящем бою он мог остаться без головы.

Бучинский зарычал и бросился вперед. Сабли звенели и скрежетали. Пробить защиту гусара он не смог.

– Сам дьявол помогает пану!

Нильский снова отвел клинок противника.

– Теперь пан стал горячиться.

Бучинский атаковал уже серьезно. Он был готов нанести гусару смертельный удар. Слова поручика задели его за живое.

Ян отошел на шаг. Он понял – противник вложит в последнюю атаку все свое умение.

– Ныне я не стану шутить, пан гусар. Берегись!

Нильский отбил атаку. Затем он сам сделал выпад и разорвал кунтуш Бучинского на груди. Это был последний удар. Ян показал, что мог убить шляхтича.

– Отлично! – вскричал Димитрий. – Сей шляхтич отстоял твою честь воевода! Хватит! Прекратите поединок!

Шляхтичи опустили сабли.

– Я доволен! – сказал царевич. – Вы отличные солдаты. А ты, пан, не надумал стать в ряды моих бойцов?

– Я слуга князя Замойского! Я связан присягой, ваша милость.

– Так я помогу тебе освободиться от присяги, пан. Я сумею отблагодарить тебя по-царски.

Нильский поклонился и ничего он ответил.

Самозванец отвлекся от него и снова стал говорить с Мнишеком.

Нильского кто-то тронул за рукав кунтуша. Он обернулся. Перед ним был молодой казачок в жупане не по размеру. Одежда была явно велика ему в плечах и некрасиво топорщилась.

– Чего тебе? – грубо спросил шляхтич.

– Не узнал меня, пан? – тихо спросил его женский голос.

– Панна?

Она приложила палец к губам. Затем они отошли в сторону, к шатрам, где на них не станут обращать внимания.

– Что, панна Елена, здесь делает?

– Хочу узнать у пана кое-что.

– Я готов дать ответ, моей панне.

–Вашей? – удивилась она.

–Но разве панна не стала моей? Хотя если панна желает не говорить про то...

– Я не могу вас понять, пан кавалер. Вы о чем?

– О прошлой ночи, моя панна.

Елена испугалась:

«Неужели он знает? Но откуда? Как он мог видеть меня?»

– Панна пришла ко мне сама. И я ценю это. И докажу...

– Пришла куда? – снова не поняла она.

– В мои покои.

– В ваши покои, пан кавалер? Вы шутите?

На этот раз Нильский задумался:

«Неужели? Это была не она? Но её голос. Голос... Или?»

Или это была панна Мнишек? Я ведь ни разу не назвал её по имени!»

– Что с паном? – спросила Елена, заметив его бледность.

– Простите меня.

– В вашей комнате нынче ночью была женщина? Я все верно поняла, пан?

– Да, – согласился Нильский.

– И вы подумали, что это я?

– Так, панна.

Елена поняла, что он ничего не знает о том, кого она подслушивала ночью. Он не шпион. И это хорошо.

– Так иногда поступает панна Мнишек. Ведь ночами все

кошки серы, пан Ян. И те покои она выделила для вас не случайно.

– Панна ревнует?

– Нет, пан кавалер. Мог ли кто отказать Марине Мнишек? Она не потерпела бы подобного оскорбления. Она считает себя чуть ли не королевой. Ей кажется, что помани она любого мужчину, и он жизнь отдаст за ночь с ней.

– Так что панна хотела спросить?

– Я слышала, что пан говорил обо мне. Неужели это правда?

– Вам сказал Хайм Рафалович?

– Я задала пану вопрос. А пан мне не ответил, а задал свой. Я хочу знать, правда ли то, что пан сказал купцу?

– Мы много о чем говорили с Рафаловичем, – неопределенно ответил Нильский.

– Но пан сказал, что готов взять меня в жены. Это так?

– Это правда, моя панна! Я готов дать вам свое имя.

– Шляхтич готов назвать меня женой?

– Почту за счастье!

– Но пан не знает меня!

– Панна так красива и так чиста. Я готов быть вечным рабом панны. Когда панна сочтет меня достойным.

– Так пан решил?

– Слово шляхтича!

– Тогда пусть пан докажет мне свою любовь.

– Я готов, моя панна!

– Пусть пан вступит в ряды воинов Димитрия Ивановича. Ведь царевич обещал ему покровительство?

– Пан Димитрий звал меня к себе, но...

– Пан сказал «но»? Я не ослышалась?

– Но, милостивая панна. Я слуга коронного гетмана.

– И что? Пан обещал быть моим слугой только что. Пан обещает звезду с неба, но не может выполнить простой просьбы.

– Но я связан словом шляхтича!

– Пан Димитрий освободит вас от него! Пусть пан подумает и ответит мне вечером.

– Вечером?

– Так, пан! – она передала ему какой-то предмет.

Он принял его и увидел что это ключ.

– Это ключ от моей комнаты, пан. Я буду ждать пана нынче вечером.

– Панна не шутит?

– Нет. Но смотрите. Начинается парад войск...

Отряды и полки прошли перед царевичем парадным маршем.

В лагере собралось две с половиной тысячи солдат. 500 крылатых гусар! Это была элитная тяжелая кавалерия Речи Посполитой. Гусары носили за плечами «крылья» из орлиных перьев на деревянной раме. Среди них бытовало мнение, что шум тех крыльев при атаке пугает противника. Все

они были в стальных нагрудниках и стальных шлемах венгерского типа с козырьком, с наносником и назатыльником. Каждый имел пику, украшенную флажком, и конжец – длинный клинок треугольного сечения с закрытой гардой. У многих у седельной луки были колчаны с луками или укороченные мушкеты. Но последних было немного.

Сам Юрий Мнишек был наряжен как гусарский офицер. На его плечах была шкура леопарда, из-под которой виден нагрудник с кольчужными пластинами. Шлем воеводы украшен золотой насечкой и большим страусовым плюмажем.

Полторы тысячи казаков прошли после гусар, также лихие бойцы. В основном, это вчерашние надворные казаки магнатов Вишневецких, Потоцких, Ружинских. Но были среди них и люди с Запорожья и казачья голота. Последние пришли в лагерь Димитрия пешком. Ни коней, ни доброго оружия у них не было. Сотники самозванца проверяли их и давали им одежду и сабли с мушкетами именем принца Димитрия. Казаки присягали служить царевичу верно и помочь ему добыть отцовский трон.

Сам царевич оделся как казак в малиновый жупан с отворотами и золотым галуном. На его боку была кривая татарская сабля украшенная самоцветами. Это был подарок Мнишека.

Также в лагере собралось больше пятисот пехотинцев. Среди них были и немцы, и венгры, и поляки.

Особый отряд составили московские перебежчики, кото-

рых пока было мало. Всего 60 человек. Это были дворяне и дети боярские, сбежавшие из Московии от царя Бориса. Среди них выделялись братья Хрипуновы: Данило, Иван и Кирилл, что поклялись до смерти служить принцу царской крови Димитрию Ивановичу...

Елена незаметно упорхнула, и пан Нильский даже не заметил этого, увлеченный смотром войск.

К Нильскому приблизился немолодой худой человек в синем польском жупане. Он поклонился шляхтичу и представился:

– Ждан Порошин. Вы отлично бились на саблях, пан. Бучинского не каждый одолеет.

– Я слышал про вас, пан Порошин.

– Вот как? Я персона не великая, пан кавалер.

– Я также, пан Ждан. Но я видел вашу дочь.

Порошин побледнел, но сдержался.

– Моя дочь мало где бывает, пан кавалер. Она роду не сильно знатного. Не по чину нам величаться.

– Простите, если вас обидел, пан.

– Ничего, пан кавалер. Как вам войско царевича?

– Гусары хороши, пан, – ответил Нильский. – Но их столь мало.

– Это только начало, пан кавалер! – горячо заговорил Ждан. – Пусть царевич только войдет в пределы Московии и многие перейдут на его сторону! Не станут русские служить

Бориске Годунову!

– Вам он так ненавистен? – спросил Нильский.

– Кто? – Порошин посмотрел на шляхтича.

– Вы сказали о Борисе Годунове.

– Он занял трон на Москве. Трон не для него! У нас есть сын Грозного царя, истинного Рюрикова корня! Вы не согласны?

– Согласен. Истинному государю положен трон по праву рождения, – ответил Нильский уклончиво.

Многие польские шляхтичи совсем не верили в то, что сей царевич истинный. Но полякам было все равно кто он такой, лишь бы привел их в Москву. Казаки вообще не задумывались об истинном прирождении Димтрия Ивановича. Пусть он царевич или неизвестно кто, но он тот, кто рискнет бросить вызов нынешнему московскому царю. А уже только за это они уважали своего вождя.

Все желали войны и добычи...

Глава 4

Панна Марина Мнишек.

...Но знай,

Что ни король, ни папа, ни вельможи

Не думают о правде слов моих.

Димитрий я или нет – им что за дело?

Но я предлог раздоров и войны.

Им это лишь и нужно, и тебя.

Мятежница! Поверь, молчать заставят.

А.С. Пушкин «Борис Годунов».

Самбор.

Замок воеводы. Кабинет Юрия Ежи Миншека.

Димитрий Иванович сидел в кабинете воеводы в высоком кресле. Рядом с ним были Мнишек и князь Ружинский. Они обсуждали планы будущей войны.

Самозванец знал, что и воевода, и князь не отступятся от него. У Мнишека не было иного выбора. Он был весь в долгах и в 1603 году королевские чиновники даже явились в Самбор и хотели наложить арест на имущество Мнишеков. Тогда его спасла продажа двух имений в окрестностях Сандомира. Благодаря вырученной сумме удалось погасить самые неотложные из долгов. Теперь его поход на Москву –

единственный путь к богатству, и единственное спасение от банкротства.

Ружинский мечтал о покорении соседнего государства и считал, что время для этого самое подходящее.

«А ведь ни одни из них не верит, в то, что я царевич. Но им все равно, кто я по крови. Главное, чтобы в меня поверили русские. Воевода и двух дочерей мне бы отдал. Что ему дочь, когда такой куш стоит на кону в большой игре за корону».

Юрий Отрепьев, в монашестве Григорий, одернул роскошный кафтан с золотым позументом и жемчугом – подарок князя Адама Вишневецкого. Такого он никогда ранее не нашивал.

Богатство и роскошь опьянили его. Ведь еще недавно его называли просто Юшка, а ныне знатнейшие вельможи Польши именовали его – «ваше высочество» или «ваша милость». Он все больше втягивался в игру. Теперь обратной дороги не было. Или смерть или корона государства Московского.

Но не все в Речи Посполитой были ему доброхотами.

Мнишек сказал, что партия Замойского при дворе одерживает верх. Все больше магнатов высказывают недоверие задуманной авантюре.

– И нам стоит ждать вскоре королевского запрещения собирать войска. Замойский уже прислал мне свое письмо с Нильским.

– Но князь прислал простого поручика, пан воевода, – ска-

зал Ружинский. – Будь он уверен, что Сейм его поддержит, он прислал бы маршалка. А так коронный гетман осторожничает.

– Но и король осторожничает, пан Ружинский.

– Как? – самозванец подскочил на месте. – Может ли сие быть? Король говорил мне о своей полной поддержке! А если король на нашей стороне, то чего опасаться?

– Слишком много врагов твоему делу, царевич, – высказался Мнишек. – Речь Посполитая не Москва. У нас королю не можно того, что можно царю у вас.

– И, если последует запрет? – спросил царевич. – Что будет?

– Тогда придется распускать войска! Или нас самих запишут в мятежники!

– С таким трудом набранную армию распустить? – вскричал царевич. – Но кто может сделать такое? Только враг Речи Посполитой!

– Прошу пана! – вскричал Ружинский. – Пан говорит о его королевской милости!

– Но Годунов сейчас слаб! Многие ненавидят его и перейдут на мою сторону! И надобно не распускать войска, но объявлять поход!

Самозванец испугался. Если войско будет распущено, то его уже не собрать во второй раз! Больше ему никто не поверит! А князь Замойский великий вельможа и в его силах повлиять на короля.

– И что делать? – спросил он у Мнишека. – Что предпринять, пан воевода?

– Нужно спешить! – поддержал царевича Мнишек.

– И я говорю, что надобно спешить! Но если нам не дадут сделать первый шаг? Если ли выход?

– Есть! – ответил Мнишек.

– Так укажи этот выход, пан воевода! – вскричал самозванец.

– Скоро сюда прибудет папский нунций Рагноци. И он может нам много помочь!

– Посланец папы римского? – насторожился самозванец.

– А что пугает, пана царевича?

– Но нунций требует моего перехода в католичество!

Мнишек и сам хотел этого и потому сказал:

– Но и я питаю сию надежду, царевич. Пусть свет веры истинной коснется тебя.

– Да какая вера! – вскричал самозванец. – Разве я о вере говорю? Прими я католичество, кто пойдет за мной в Московии? Сим могу навредить делу моему!

– Но кто говорит о публичном крещении царевича в католичество? – спросил Ружинский. – Все можно сделать тайно!

– Тайно?

– Именно, Димитрий! Именно тайно! – заговорил Мнишек. – И сие даст нам поддержку святого престола! И Ордена иезуитов! Да и панна Марина сможет стать твоей женой, царевич, лишь при переходе твоём в католичество!

– Но ускорит ли сие поход?

– Ускорит! – сказал Ружинский уверенно. – Папский нунций может многое. Он сумеет повлиять на шляхту.

– Но...

– Царевич! На кону твоя корона!

– Престол, что по праву рождения твой!

Самозванец немного помолчал. Он думал. Решиться сменить веру – дело сложное. Тем более если ты претендент на трон в Москве. Но поляки все настойчивее требуют этого. Да и хорошо бы получить поддержку римского папы и Ордена иезуитов. А без его перехода в католичество они помогать не станут.

– Что скажет его высочество? – торжественно спросил Ружинский.

– Я согласен! – сказал самозванец.

Он вскочил с кресла и выбежал из комнаты.

Князь с улыбкой посмотрел на Мнишека.

– Что я тебе говорил, воевода?

– Он согласился, – выдохнул Мнишек. – Я уже и не думал его уговорить.

– А я был уверен, что он так поступит. Стоило лишь немного его напугать.

– Но слова пана не так далеки от истины. Короля могут вынудить дать запрет на набор войска.

– Пусть пан воевода не боится того. Сигизмунд, даже если его к тому вынудят, спешить с запретом не станет. Наш

вельможный пан круль умеет выполнять волю Сейма не торопясь.

– Но нас мало, пан князь. Слишком мало. Всего две с половиной тысячи.

– Но Димитрий Иванович надеется на поддержку москвитов.

– Того я и боюсь! – сказал Мнишек. – Я не желаю начинать холопский бунт, пан князь. Димитрия должны поддержать бояре и дворяне Московии. Но не холопы! Вы видели рожи казаков, что прибыли с Дона?

Ружинский вспомнил вчерашних посланцев атамана Корелы к царевичу от донских казаков.

– То есть настоящее быдло, пан князь. И нам плечом к плечу идти с такими в бой? Мы шляхта!

– Пусть пан воевода за то не переживает. Пусть быдло поможет нам, а потом... Потом мы с ними расправимся.

– Пан князь, думает, что сие так просто? Холопский бунт легко развязать. Но трудно погасить. Тем более что гасить его можно лишь кровью. Потоками крови, пан князь.

– Но сия кровь будет холопской, пан воевода? Московским холопам неплохо пустить кровь...

Ян Нильский отправился на поиски комнатки панны Елены. И быстро нашел, где обитает красавица. Служанки в замке Мнишека были весьма болтливы и за злотый даже проводили шляхтича почти к самой двери «дочери пана Пороши-

на».

– Вон там, – молодая смуглая служанка показала пальчиком на длинную галерею.

– Но там много дверей.

– Та, что посредине. Видите кованые железные полосы у петель? Это двери дочери москвиты.

– Москвиты?

– Так здесь зовут эту девку, которую все считают красавицей.

– Считают? – спросил Нильский. – Но она и вправду красавица.

– Есть и другие не хуже, – сказала служанка. – И много доступнее.

Нильский дал девушке еще один золотый, дабы она побыстрее оставила его.

«Вот я и смогу увидеть её и поговорить с ней. Что такого, что я нанесу ей визит? Здесь никто не сочтёт это признаком дурного тона».

Нильский направился к двери, но у одной из ниш его перехватил Рафалович.

– Пан сошел с ума? – тихо спросил шляхтича еврей.

– Ты про что, пан купец?

– Пану нельзя идти туда, куда он идет.

– Отчего?

– Панна Мнишек может узнать про сие и тогда... Тогда пану будет не до любви.

– Пан купец слишком много болтает. Я шляхтич...

– Тише! – Рафалович увлек Нильского в нишу. – Пусть пан помолчит. Я все поясню пану немного позже.

Рафалович отвел шляхтича в другую часть замка и показал на двери одной из комнат.

– Там пана ждут.

– Кто? – не понял Нильский.

– Там пан сам все узнает.

– Но...

– Пусть пан не возражает. Все это будет пану только на пользу.

Нильский решил сделать так, как сказал Рафалович. Он вошел в комнату и увидел там человека среднего роста в черной сутане.

– Пан Ян Нильский? – человек поднялся со стула и подошел к шляхтичу.

– Поручик Нильский. А кто есть пан?

– Скромный слуга Иисуса.

Нильский понял, что это посланец Ордена иезуитов. Он, как и его отец, не сильно жаловал этих панов, но склонялся перед могуществом и силой Ордена.

– Но пан имеет имя?

– Падре Рональд. Сейчас мне угодно назваться именно так. И у меня дело к пану шляхтичу. Ведь пан – верный слуга католической церкви.

– Это так, падре.

– И потому святая церковь и святой престол имеют дело к пану поручику. Пан поручик должен во имя церкви и веры присоединиться к войскам принца Димитрия.

– Но я...

– Я знаю о том, что пан есть человек коронного гетмана Замойского. Но святая церковь и Орден уладят сию проблему, пан поручик. Скоро в замке будет нунций святого престола кардинал Рагноци. Он введет принца Димитрия в лоно истинной католической церкви.

– Но чем я смогу помочь церкви, падре? Я скромный солдат и никакого веса не имею.

– У пана будет вес. И потому пан сейчас отправится к пану Бучинскому и предложит свои услуги. Пан Бучинский примет саблю пана. Во имя господи!

Падре протянул Нильскому руку и тот увидел перстень с большим сапфиром. Он почтительно поцеловал его. Этот падре не был мелкой сошкой в Ордене.

– Мне идти к пану Бучинскому прямо сейчас? – спросил Нильский.

– А у пана есть иные планы?

Нильский покраснел. Священник усмехнулся и сказал:

– Пусть пан отложит их. Для сего время еще придет, пан поручик...

Краков.

Дворец короля Речи Посполитой.

Сентябрь 1604 года.

Посланцы царя Бориса при дворе Сигизмунда III.

Король Сигизмунд III из рода Ваза не мог сказать посланцам московского царя то, что хотел. Шляхта запретила ему ссориться с москвитами. Особенно настаивал на своем великий гетман Замойский. Он был слишком дерзок это князь, возомнивший себя большим государственным деятелем.

Король сидел на троне словно статуя, и молча готовился слушать слова царя Бориса Годунова, которые тот вложил в уста своего посланца.

Русский вельможа был одет с роскошью. Фиолетового цвета кафтан с широким воротом, шитым золотом и украшенным крупным жемчугом, поразил многих шляхтичей. С боков кафтана были прорезы с тесемками, также шитые золотом. Богатая соболья шуба боярина украшена многими драгоценностями. На пальцах посла – перстни с самоцветами.

Пан сенатор Сапега тихо сказал своему соседу семиградскому послу графу Матиушу.

– Видал, друг мой, какие жемчуга у москвиты?

– Таких нет и у вашей королевы, пан Сапега. А соболя какие? Говорят у москвитов ныне низкие цены на соболей.

– Про то знаю точно, пан Матиуш. Соболиная ярмарка в Москве ныне богаче, чем в прошлые годы. Но тише. Москвит станет говорить.

Посол протянул руку к сопровождавшему его дьяку и тот

подал послу свиток с печатями.

Боярин стал читать:

«Беглый монах расстрига, именующий себя царевичем Димитрием Иоанновичем, презрел законы божеские и человеческие. Он облыжно (ложно) именует себя царским именем. Долг истинного монарха выдать сего самозванца для казни и расправы справедливой.

Ибо был тот беглый монах Гришка, чернокнижником и знался с сатаною.

До своего монашеского пострига, носил сей расстрига имя Юшки Отрепьева. И отец того Юшки был сотником в стрелецких войсках Великого государя, Царя и Великого князя Всея Руси. И звался он Богданом Отрепьевым...»

Король вышел из оцепенения и склонился к пану Сапеге.

– Для чего он рассказывает нам то, что послы Бориса, говорили больше десяти раз?

– Его стоит выслушать до конца, ваше величество.

Король снова стал слушать слова Годунова, адресованные лично ему. На сей раз рассказ о беглом монахе Гришке Отрепьеве был несколько иной.

Отрепьев стал не просто самозванцем, но и еретиком, чернокнижником и колдуном.

– И как доброму соседу, надлежит вашему величеству, выдать того вора приставам Великого государя Всея Руси Бориса Федоровича для сыска.

– Мы выслушали слова великого князя московского, – вы-

давил из себя король, отказав Годунову в царском титуле. – И мы примем решение, посоветовавшись с нашими сенаторами.

– Мой государь, царь и великий князь Московский и Всея Руси, желает знать решение вашего величества, ибо много раз про сие уже было говорено!

Кардинал Мациевский, двоюродный брат воеводы Мнишека сказал:

– Его величество уже сказал свое слово, пан посол. Он примет решение по тому делу в свое время.

– Но самозваного царевича принимают магнаты и сенаторы Речи Посполитой, – сказал посол.

– Сие древнее право магнатов принимать в своих имениях тех, кого они захотят! – сказал Мациевский.

– Но признавать самозваного царевича, есть нарушение отношений доброго соседства между нашими державами! – заявил посол.

– Пану послу стоит знать, что сего царевича признал его ясновельможность князь Адам Вишневецкий, – сказал кардинал Мациевский. – Семья князей Вишневецких приходится родней государю Московскому Ивану Четвертому (Грозному).

Король Сигизмунд с благодарностью посмотрел на кардинала. Тот нашел чем «уколоть» посла. Ведь если великий князь из рода Вишневецких, признает царевича сыном Грозного, то это значит, что потомки Рюрика признают его своим

главой.

– И пан Вишневецкий мог признать беглого вора цареви-
чем? Не могу в то поверить!

– Про сие стоит спросить самого пана Адама, пан посол.
Сие его решение, а не решение его королевской милости.

– Многие магнаты Речи Посполитой, не ободряют сего! –
смело вмешался коронный гетман князь Замоийский. – И
пусть, пан посол, дождется решения его величества круля
(короля) Речи Посполитой!

На том аудиенция была завершена, и никакого решения
принято не было. Сигизмунд Третий выжидал...

Самбор.

Замок воеводы Мнишека.

О том, что было во время пира...

В замке Мнишека был назначен пир и большой бал с фей-
ерверком. Принц Димитрий Иванович Московский тайно
принял католичество и был крещен самим нунцием римско-
го папы кардиналом Рагноци.

Юрий Мнишек получил обещанные королем деньги.
Правда, Сигизмунд прислал ему не 80 тысяч золотых, а толь-
ко 40 тысяч. Но и это было хорошо. Часть средств ушла на
выплату войскам и закупку всего необходимого для обоза.
Армия готовилась к большому походу. А две тысячи пошли
на организацию празднества.

Окрестные шляхтичи съехались в замок и у ворот были

десятки карет. Всюду сновали разодетые слуги, и вино лилось рекой.

Казачи получили от принца особое угощение. Они славили Димитрия Ивановича и требовали начать поход.

Претендент на трон был особенно доволен ими. Посланцы с Дона привезли к нему московского дворянина Петра Хрущёва. А был он доверенным человеком самого Бориса Годунова. И Годунов отправил его на Дон с посланием против самозванца. Но казаки связали царского посланца и переправили его в Польшу. Здесь они передали его Димитрию Ивановичу.

Димитрий обрадовался этому и спросил:

– Где он?

– Дворянин Хрущёв в руках твоих слуг, царевич, – ответил донской наказной атаман.

Царевич посмотрел на секретаря Бучинского. Тот ответил.

– Пан Мнишек отправил его в пыточный подвал!

– Как? – вскричал Димитрий. – Зачем?

– Таков приказ пана Мнишека!

– Но привезли сего дворянина мне, а не пану Мнишеку. Давно он там?

– Один день и ночь, – ответил Бучинский.

– Проводи меня туда, пан Бучинский.

– Как прикажет, ваша вельможность.

Димитрий повернулся к казакам:

– А вам жалую сто золотых! И сегодня пить за мое здравие станете лучшие вина!

– Слава государю! – закричали донцы.

– Я всегда награждаю верных!

Димитрий вместе с Бучинским прошел в подвалы замка, где содержались осужденные воеводским судом преступники.

– Мне сие не нравится, пан Бучинский.

– О чем говорит его вельможность?

– О том, что Мнишек распоряжается моими людьми. Это пленник мой. И не воеводе решать его судьбу.

– Но мы во владениях воеводы, ваша милость. Мне и самому это не нравится.

– Пан Бучинский, я также кое-чего стою в предстоящей большой игре. И пусть пан Мнишек помнит, что без меня у него ничего не выйдет. А он хочет многого.

Они спустились по лестнице. Бучинский сделал знак страже и те открыли двери камеры.

– Прошу ваше высочество пройти!

Царевич вошел. Внутри царил полумрак.

– Факелы сюда! – приказал Димитрий.

Бучинский повторил приказ. Пространство камеры осветилось.

Петра Хрущова еще не пытали. Но с него содрали кафтан, шапку, штаны и сапоги. Он остался в одном исподнем¹⁷

¹⁷ *Исподнее – нижнее белье. Тогда это были штаны и рубаха.

Хрущёв был крупным коренастым мужчиной лет сорока, с сильными руками, привычными к сабле и копыю. Его круглое лицо обрамляла окладистая черная борода.

Стража пинками подняла Хрущёва с соломенной подстилки.

– Встать!

– Наследник трона перед тобой!

Хрущёв поднялся. Он увидел царевича.

«Неужто, сам передо мной? – подумал дворянин. – Точно!

Судя по приметам – он! Самозванец!»

– Я есть Димитрий Иванович, – сказал тот. – И я пришел к тебе, дворянин Хрущёв.

Дворянин, звеня цепями, неуклюже поклонился царевичу.

– Ты, как мне сказали, верный слуга Годунова?

– Я служу Руси, ваша милость. И коли Русь доверила корону Борису, то я его слуга.

– Хорошие слова, Петр Хрущев. Я уважаю смелых людей.

И не хочу тебя мытарить в подвалах.

– Но я в железгах, – Хрущев поднял руки.

– Но ты пока мой враг, Хрущев, и служишь узурпатору моего трона. И я могу предложить тебе присягнуть мне. Тогда отношение к тебе изменится.

– Ваша милость предлагает мне службу?

– Ты русский, а я сын Ивана Василевича. Я твой законный государь. Станешь мне служить, Хрущев?

Дворянин опустил на колени перед Димитрием.

«С чего мне хранить верность Годунову? Много он дал мне за мои прежние заслуги? И с чего мне отдавать за него голову?»

– Так что скажешь, Хрущев?

– Готов служить моему законному государю! И готов сказать тайное!

Царевич обернулся к сопровождавшим его. Видали? Как он ловко все провернул. Его враг стал сразу его другом, и так будет и на Москве!

Он сказал:

– Говори! Говори, Хрущев.

– На Москве знают, что царевич в Литве собирает войска.

Но Годунов не считает сие опасным.

– Вот как? – спросил самозванец.

– Он не верит в твою, государь, силу. И потому гарнизоны западных крепостей Годуновым не усиливались.

– И с чего это Годунов такого низкого мнения обо мне? – голос самозванца дрожал от негодования.

– Дак говорили Борису, что де нет у тебя, государь, осадной артиллерии и не взять тебе ни одной крепости по границам.

Осадной артиллерии у самозванца действительно не было. Но Димитрий и не рассчитывал на штурм крепостей. Его армия для такого слишком мала.

– Я полагаюсь не на пушки, Хрущёв! Моя сила в моих

людях! Они окажут мне помощь и без пушек!

– Оно так, мой государь, – склонил голову Хрущев.

– Расковать! Из подвала перевести в крыло для слуг. Содержать под стражей, но с почтением!

– Да, государь! – ответил Бучинский...

Секретарь спросил Димитрия:

– Зачем ваша милость его отпустила? Неужели верите ему?

– Дело не в том, пан Велимир. Он человек Годунова и если станет служить мне, то делу моему от того большая польза будет.

– А если он изменит?

– Для того я ему пока полной веры и не дал. Но, думаю, он станет служить мне верно!

– А что скажет пан Мнишек?

– С паном Мнишеком я сам поговорю. И, не стоит забывать, что казаки привезли сего пленника мне, а не пану Мнишеку.

– Как прикажет, мой господин.

– А что новый шляхтич, пан Велимир?

– Нильский?

– Да. Как он устроился в твоей хоругви?

– Он мне не шибко нравится, государь.

– С чего это? Не можешь ему простить его умение рубиться на саблях?

– Это не то, государь. Не думаю, что он добровольно пожелал служить твоему делу.

– Но многие идут ко мне из шляхты совсем не из желания мне помогать. Они хотят почестей и золота. Чем Нильский хуже остальных?

Бучинский пожал плечами. Пусть решает сам царевич...

Пан Велимир Бучинский принял Нильского в отряд с большой неохотой.

– С чего, пан поручик, решил присоединиться к нам?

– Пану кавалеру, я не понравился?

– Пан поручик, не ответил на мой вопрос.

– Но я ответил на вопросы царевича.

– Пан станет служить под моей командой. И я хочу знать, что пану здесь понадобилось?

– Хочу помочь принцу занять трон, который ему положен по праву рождения! – ответил Нильский. – Такой ответ пана удовлетворит?

– Но пан более не будет поручиком гусарской хоругви. Нынче пан просто боец моего отряда. Пан это понимает?

– Да.

– Странно, пан. У князя Замойского пан имел положение. Быть поручиком его надворной хоругви весьма почетно. Здесь многие отдадут полжизни за такое положение.

– Готов служить пану Димитрию и на таких условиях.

– Ради Димитрия Ивановича?

– Ради него и ради панны Елены.

Бучинский нахмурился еще больше. Этот шляхтич слишком наглый. Говорит откровенно и ничего не боится.

– Но панна Елена не для вашей милости, пан поручик.

– А для кого она?

– Я давно заприметил панну. И я оказал уже услуги принцу. Он отдаст Елену за меня!

– А что она?

– Я не понял пана.

– Что она сказала на сие? – спросил Нильский.

– А пану до того есть дело? – грубо спросил Бучинский.

– Конечно, есть, если и я имею интерес до панны!

– Пусть пан направит свой интерес в иную сторону. При дворе пана воеводы Мнишека много красавиц.

– Вот как? Так отчего же пану самому не воспользоваться своим советом?

Бучинский зарычал от бешенства.

– Я уже сказал, пану поручику, что имею виды именно на панну Елену.

– Но отчего я не могу иметь виды на панну? Разве панна дала слово вам?

– В том нет нужды! Но я, Велимир Бучинский, потомственный шляхтич имею виды на панну Елену.

– Но и я, Ян Нильский, потомственный шляхтич, имею виды на панну Елену. И готов с ней говорить про это! И пусть панна Елена сделает выбор!

– Выбор уже сделан! – сказал Бучинский.

– Кем? Вами?

– Пан знает, кто есть панна Елена? Она под покровительством пана царевича.

– Но я стал служить царевичу.

– И причина тому – панна?

– А если так? Что скажет, пан?

Бучинский не ответил и только посмотрел на Нильского с ненавистью. Этот взгляд говорил о многом...

Панна Мнишек во время парадного обеда заметила Нильского, хоть он и сидел на значительном расстоянии от неё. Она позвала к себе Марту. Служанка приблизилась.

– Чего изволит панна? – тихо спросила она.

– Ты видишь пана Яна?

– Я давно его приметила.

– Найди возможность передать ему мое приглашение.

– Куда панна изволит его позвать?

– В мои покои, – прошептала Марина.

– Панна...

– Я сказала – в мои покои.

– Как угодно панне.

– Пусть он придет туда через час.

– Через час?

– Да.

– Я передам.

Марта ушла.

Димитрий Иванович заметил, что панна Мнишек о чем-то шепталась со служанкой.

Он сидел рядом.

– Панна куда-то торопится? – спросил он.

Она посмотрела на самозванца.

– Я не могу долго сидеть за столом, пан Димитрий.

– Но скоро будет фейерверк.

– Я слишком устала, пан Димитрий.

Самозванец ухмыльнулся.

– Но я прошу панну остаться. Свет очей моей панны заставляет меня сесть на коня. И скоро мне идти в поход. А если я больше не увижу панну?

– Пан Димитрий забывает, что пока он не мой муж.

– Пан Димитрий многое видит, моя панна.

Юрий Мнишек, который находился по правую руку от царевича, спросил:

– О чем вы спорите, дети мои?

Марина ответила:

– Пан царевич желает видеть меня здесь.

– А ты намерена нас покинуть, дочь моя? – спросил воевода.

– Я слишком устала, отец.

– Но сегодня особенный день, дочь моя.

Марина вынуждена была согласиться с отцом...

Велимир Бучинский не нашел ту, кого хотел найти. Панна Елена не явилась на праздник. Шляхтич стал переживать и отыскал глазами Нильского. Тот был среди гостей. Блистал новым красным колетом, французского покроя. Значит он не с Еленой. Это хорошо, но вот где она?

Подойти к царевичу и спросить его напрямую – где его сестра? Но сейчас не место и не время для этого. Ведь официально они не родственники...

Марта подошла к Нильскому со спины и проговорила:

– Пусть пан не обращает на меня внимания. Я скажу ему то, что мне приказали передать.

– Кто приказал? – тихо спросил Нильский.

– Моя панна.

– Но кто ваша панна?

– Та, о ком пан так часто вспоминает. И панна через час будет ждать пана...

Марта прошептала шляхтичу место встречи...

Нильский вышел из зала. Марта уже его ждала.

– Пусть пан следует за мной.

– Вы служите панне Мнишек? – спросил он.

– Тише, пан. Не стоит называть имен. Вы и так знаете, кто моя госпожа.

– И мне идти за вами?

– Конечно, пан. Раз моя панна выделила вас...

Но пану Нильскому не суждено было встретить панну Мнишек. Впрочем, он от этого совсем не расстроился. В коридорах, где его оставила Марта, он встретил панну Елену, которая была переодета мужчиной.

– Пан кавалер!

– Моя панна!

– Пан шёл к другой?

– Я думал, что иду к панне.

– Пан не говорит правды.

– Я честен с панной. Мне передали, что меня ждет женщина, и я сразу вспомнил про мою панну. Но только здесь я увидел, что это Марта.

– Пан шёл к другой, но встретил меня, – прошептала она.

– Панна Елена! Не могу поверить глазам, – сказал Ян. –

Вы здесь!

– Я перед паном. И пан прижимает к себе мое тело.

– Это так. Не могу поверить. Неужели это не сон?

– Пусть пан идет за мной. Для нас приготовлено ложе. Сегодня я стану принадлежать пану.

Она увлекла его за собой...

Панна Мнишек улучила момент и после танца с Димитрием спросила его:

– Что это значит, пан?

– Панна желает знать, отчего она здесь со мной? Но я раб

моей панны.

– Не стоит, Димитрий. Скажи мне, чего ты хочешь?

– А ты, Марина?

– Я стала твоей и стала не по любви.

– И что с того? Я не первый у тебя. И ты никого и никогда не любила кроме себя самой.

– Но мой отец помогает тебе из-за меня. Я должна стать твоей женой и лишь на этом условии он с тобой. А кто ты без него?

– Я Димитрий, сын Ивана Московского!

– Брось! – прошипела она. – Не нужно мне твоих сказок.

Ты не родня московским великим князьям.

– Но твой отец признает меня Димитрием Ивановичем.

– Признает. Но не верит в твое царское рождение. Впрочем, ты сам знаешь это.

– Больше я не бедный проситель, Марина, – жёстко сказал самозванец. – И сейчас я нужен твоему отцу! Больше чем он мне. Все его надежды на будущее связаны со мной. Я уже знаю себе цену.

– И чего пан хочет от меня?

– Я хочу тебя.

– С чего это? Пана царевича не устраивает Марта?

– Марина, я знаю, что ты страстная женщина, и я хочу знать тебя такой. Ведь меня влечешь именно ты. Ты. А не московский трон.

– Пан шутит? – спросила Марина Мнишек.

Таким она никогда его не видела.

– Я не шучу, моя панна. Я хочу стать твоим мужем!

– Но неужели пан...

– Да, Марина! Я искренне хочу получить тебя в жены!

– После того как пан наденет корону. Только после того.

– Но свою страсть панна покажет мне сегодня. Сейчас.

– Пан не в себе.

– Марина. Я сказал свое слово, – Димитрий крепко сжал

руку Мнишек.

– Мне больно, пан.

– Сегодня ты моя, – горячо прошептал самозванец. – И ты подаришь мне такую же ночь, какую подарила тому шляхтичу.

– Пан!

– А если нет, то я не стану принимать участие в планах отца моей панны. Пусть Мнишек ищет иного царевича.

– Пан не посмеет!

– Все в руках моей панны. Пусть панна покажет, на что она способна.

– Это плохой путь, пан!

– Почему плохой? Он даст мне то, что я хочу получить перед походом.

– Пан настоящий варвар, как и все московиты! Так не добиваются женщины!

– Но я получу небольшой задаток от моей панны. Ты же любишь, когда мужчина добивается своего?

Мнишек поняла, что иного пути у неё нет...

В ту ночь осуществились желания многих людей.

Пан Ян Нильский провел ночь с панной Еленой и окончательно стал её рабом.

Панна Елена также была сражена страстью Нильского, и поняла, что сделала свой выбор.

Самозванец получил от Марины Мнишек то, чего хотел. Она показала ему, как умеет любить. И он сам стал рабом панны Марины и был готов на все ради того, чтобы она стала его женой...

Панна Мнишек узнала иного Димитрия Ивановича. И он приятно удивил молодую женщину.

– Марта, ты была права.

– Права, моя панна?

– Я говорю о царевиче Димитрии.

– Вы поняли, что он не слаб на поле любви? – усмехнулась доверенная служанка.

– Да. Думаю, что он не окажется слабым и в деле войны.

– Он добудет для вас корону, моя панна...

Глава 5

Время власти.

*Нелепая, безумная та весть –
Не выдумка! Неведомый обманщик,
Под именем Димитрия, на нас
Идет войной; литовскую он шляхту
С собой ведет, и воеводы наши
Передаются в ужасе ему!
Кто этот вор, неслыханный и дерзкий?
А.К. Толстой «Царь Борис»*

1

Москва

Царский дворец.

Сентябрь 1604 года.

В большом царском кабинете среди книг и дорогого оружия в тот час был только один человек. Это царь и великий князь Всея Руси Борис Федорович Годунов. Он ходил из стороны в сторону, иногда останавливался перед столом, на котором развернута карта его государства, затем снова ходил. Властитель смотрел на точки городов на границе с Польшей. Они сейчас волновали его больше всего. Много заботился он о

защите рубежей, строил крепости, ставил на стенах пушки, посылал стрельцов и казаков. В Диком Поле были возведены Воронеж и Ливны, на Донце вырос Царев-Борисов. Но одно дело защита от татар, а совсем иное от ляхов и литвинов. Западные рубежи были беспокойны.

Его рука потянулась к перу. Царь сделал небольшие пометки у Чернигова. Он подумал, что крепость хорошо укреплена и там сидит большой гарнизон, в случае если войска его врага короля Жигимонта отважатся напасть.

Борис Федорович отвел руку, и небольшая капля чернил сорвалась с пера. Государь пальцем захотел убрать кляксу. Она упала как раз на круг на карте, подле которого была надпись «Путивль»¹⁸.

– Испортил карту, – проговорил он. – Что теперь подумает дьяк? Что я отметил Путивль? Руки стали предательски дрожать в последнее время.

Не знал еще Борис, какие неприятности принесет ему этот город. Не зря метка пала именно там, где совсем скоро начнут собираться грозные тучи...

Царь Борис согнулся под бременем забот и тревог. Шапка Мономаха преждевременно состарила его. Под его глазами были мешки, и цвет лица он имел землистый. Это был уже

¹⁸ * Путивль – город на правом берегу реки Сейм. После битвы на реке Ведровке в 1500 году отошел к Московскому государству. Одна из важнейших крепостей на юго-западном рубеже. В 1925 году Путивль из состава РСФСР перешел к УССР. Ныне город в Сумской области Украины.

совсем не тот, всего несколько лет, назад крепкий и красивый мужчина.

Сколько много усилий затратил этот человек, дабы достичь высшей власти. Пусть его к вершине был многотруден. А что дала ему корона? Что оставит он детям своим?

В последнее время Борис много думал про это. Здоровье его все больше и больше ухудшалось. Сын – царевич Федор – умный юноша, нрава примерного и образован изрядно. Но он слаб в придворной борьбе. Он не мастер плести интриги, ибо слишком прямодушен.

Кому как не Борису знать, что это такое. Он сам на своем пути к власти разве щадил таких юнцов? Нет. Он шел к своей цели медленно и упорно. Не жалел никого, тех кто ему мешал – уничтожал без сожаления. Но так воспитали его при дворе Грозного царя. Иначе было нельзя. Его тесть, отец жены Машеньки, всесильный Малюта Скуратов, многому обучил зятя. И научился Борис выживать и побеждать. Сколько врагов загнал он в могилу с тех пор? Длинной вереницей выстроились бы покойники к нему, дабы предъявить счет, коли могли бы восстать из своих могил.

Он, когда умер Грозный, был обязан помочь его сыну Дмитрию стать царем, когда тот вырастет. Царь Иван верил ему. Но что сделал он? Разве стал помогать? За малолетним Дмитрием стояла его родня по матери – бояре Нагие. А они ненавидели Годуновых. Это и решило судьбу царевича. Борис сражался с ними в опасной схватке за власть и жизнь.

Тогда он победил. А что сейчас? Как поступят те, кому верит он? И где искать ныне опору для сына?

Самозванец! Вот кто волновал его больше всего...

Одет Борис в длинное царское одеяние из аксамита без ворота, расширенное книзу, с широкими короткими рукавами. Обычно во время приемов поверх на него возлагали бармы – широкий воротник шитый золотом с жемчужными пуговицами. Но сейчас царю было душно.

Доложили о приходе князя Василия Шуйского. Годунов приказал впустить немедленно.

Шуйский вошел и низко поклонился царю. Борис про себя отметил, что выглядит князь гораздо лучше его самого.

«А ведь власть, к которой я стремился, укоротила лета моей жизни. Вот поглядеть на этого князя, так и мысли лезут в голову. На кой мне нужна была шапка Мономаха? Для того чтобы страдать? Ибо что хорошего дала мне власть, кроме забот и тревог? А ведь и он мечтает её примерить – шапку Мономаха. Кто из знатных московских бояр не хочет того? Не знают они, что есть эта самая шапка. Как она тяжела! Только ныне понял, что есть бремя власти».

– Государь, я принес вести, – сказал Шуйский.

– Говори.

– Все сделал, как ты велел. Времени было не много, но я сделал.

Борис Годунов жестом приказал князю переходить к делу.

– Выяснили мы, государь, что сей «царевич» есть Юшка Отрепьев, что в холопах состоял у боярина Романова. И был пойман на воровстве, за что Романов его согнал со двора. Затем Юшка постригся в монахи под именем чернеца Григория.

– Про сие мне ведомо, князь, – прервал Шуйского царь. – Да что толку от моего, да твоего знания? Я трижды просил короля Жигимонда (Сигизмунда) выдать мне самозванца! Но эта лиса вертит хвостом!

– То можно понять, государь. Ведь и ты Жигимондовым супротивникам много подмоги оказал.

Годунов это помнил. Не за что было королю благоволить ему. Много крови он попортил Сигизмунду III.

Шуйский продолжил:

– И он за монаха беглого Отрепьева ухватился. А монах сей умен зело! Ибо, как говорил настоятель Чудова монастыря, читал много юнец. Почерк он изрядный имеет и был для переписывания книг приставлен. Языки знает! Польский и латинский тож.

– И подмогу ему оказали, и оказывают первые вельможи Речи Посполитой! Князь Адам Вишневецкий исповедь самозванца велел переписать и читать по городам многим.

– Государь уже читал сию писульку? – удивился Шуйский.

– Читал! – вскричал Годунов. – Указывает самозванец, что отписал ему отец его Грозный царь города Углич, Городец и Димитров во владение. И был он принцем Угличским,

но ныне он законный царь и великий князь всея Руси! Он царь, а не я!

– Надобно, государь послать в пределы Литвы родственников Юшкиных. Пусть обскажут, кто такой есть самозванец!

– Не говори вздора, князь! – сказал Шуйскому царь. – Что даст сие? И король и вельможи знают, кто есть Юшка Отрепьев. Но он им надобен. Надобен в игре против меня!

– Я имею самые точные сведения, государь, что людей у Юшки слишком мало. Две тысячи солдат! И то не солдаты сие, но всякий сброд. Казаки, шляхтичи без монеты в кармане, беглые холопы.

– Артиллерия есть ли у них?

– Нет, государь. Воевода Мнишек не может дать вору артиллерии, ибо сам не имеет оной. Король Жигимонд не окажет ему в том помощи.

Годунов задумался. По пути самозванца, если рискнет он вторгнуться в пределы его государства, станут крепости. Без артиллерии их не взять.

– То верно, князь, но что будет, если..., – Годунов сделал паузу.

Василий Шуйский прекрасно знал, о чем хочет спросить царь. Годунов болен и может умереть. У него есть наследник царевич Федор Борисович. Но сможет ли наследник удержать власть? Вот что волнует царя.

– Если не станет меня, то станешь ли ты, князь, опорой

сыну моему?

Царь внимательно посмотрел на князя. Слишком хорошо знал он сего хитреца. Статный боярин, научился придворной интриге у него самого. Ведь этому умному вельможе доверил он провести следствие по делу убиенного в Угличе царевича Димитрия Ивановича. И Шуйский привез ему такое заключение следственной комиссии, что было ему Борису надобно. Хорошо показал себя князь во время серпуховского похода* (*серпуховский поход – 1598 год) на татар, будучи в должности воеводы Большого полка.

«Нет, – подумал царь. – Не станет он стоять за Федора, если выгоды своей в том не почует. Он самозванцу дорогу на Москву откроет, коли ему сие надобно будет. Что ему Русь? Эти Шуйские о себе лишь и пекутся. Но сейчас трогать его нельзя. Не время!»

– Я верный слуга твой, государь, – склонил голову князь.

– Верю тебе, князь и боярин! – сказал Борис, хотя не верил ему совсем.

Шуйский также понял истинные мысли Бориса Годунова.

«Юлит! Не верит, но обидные слова молвить страшится. Чует, что помереть может. И как тогда его сыну быть? Надеется, что поддержат его бояре».

Царь продолжил:

– Станешь верным для нового царя Федора – быть тебе, князь, в великом почете.

– Я верный твой слуга, государь и для сына твоего опорой

стану среди бояр.

– Хорошо, князь. Помни свое слово. А покуда иди. Я хочу остаться один.

Шуйский поклонился и вышел из царских покоев...

Когда князь покинул покои царя, к Годунову пришел оружничий Семен Клешнин.

– Государь!

– Семен? Это ты? Я звал тебя?

– Я принес новости, государь.

– Тяжко мне, Семен. Нет людей верных. Все изменить готовы.

– Не все, государь.

– Ты о себе, Семен? Тебе одному и могу верить. Хотя и тебе не могу.

– Зачем обижаешь своего слугу, государь?

– Помню и я так говорил царю Ивану. Так же сказал. Он же ответил, что никому веры нельзя давать. И прав был Грозный царь. Ныне мне понятно сие. Но оставим это, Семен. С чем пришел?

– Есть новости, государь!

– Новости? – спросил царь. – О самозванце?

– О нем, государь!

– Говори!

Царь опустился в кресло. Голова болела, и в висках стучали молотки.

– Тебе плохо, государь? – спросил Клешнин. – Лекаря?

– Потом! – отмахнулся Годунов. – Говори с чем пришел?

– Самозванец готовится выступить! Его полки пойдут на нас!

– Что? И сколь воинства у самозванца?

– Больше двух тысяч, государь.

– Всего? Твои донесения о численности войск самозваного князя не расходятся с донесениями Шуйского. Но скажи мне, Клешнин, как можно выступить в большой поход без артиллерии и с такими малыми силами? На его пути десятки крепостей и моя армия в 50 тысяч воинов!

– Но на его пути множество охваченных мятежными настроениями местностей. В пограничных острогах несут службу сосланные туда стрельцы. Они там отбывают наказание, государь!

– И что с того?

– Ты меня не услышал, государь. Это опальные стрельцы. Ты на них свой гнев положил и сослал службу править на окраинах. Они свои промыслы кинули, женок да деток покинули и поехали на границы.

– Думаешь, не станут они за меня?

– Как знать, мой государь! Как знать. Но многие смуты там зародиться могут. В том слово мое даю.

– И что делать?

Клешнин напомнил царю о том, что в стане самозванца есть его человек.

–Надобно моего человека задействовать, государь.

–Того самого? – спросил царь.

–Того, государь. И пусть он самозванцу... жизни укоротит!

–Сможет ли? Дело непростое! Сведения передавать это одно, а иное смертоубийство.

– За непростое дело ему и заплачено будет, государь.

– Но нынче при самозванце хорошая охрана. Что сможет сделать твой человек? – спросил Годунов.

– Коли подумает, то сделает! Надобно того ростригу жизни лишить. Пока не поздно.

С этим царь Борис Федорович был согласен.

– Пусть будет так. Посылай гонца.

– Сделаю, государь.

– Но человека найди верного. Чтобы коли попадетсЯ, молчал.

– Найду, государь.

– И письма не посылай. Только на словах пусть все обскажет.

– Все сделаю, как прикажешь, государь.

Клешнин поклонился царю. Годунов доверял ему. Этот пока будет верен. По меньшей мере, до тех пор, пока он, царь, жив.

– Что с нами стало, Семен? Ранее думали мы с тобой как кровь царскую извести. Подлинного царевича жизни лишить. А ныне? Самозванца голову хотим.

Клешнин побледнел. Он не любил вспоминать прошлого.

– Чего лицом потемнел? – строго спросил царь. – Али жалеешь о том, что свершили?

– Как можно, государь? Тогда так надобно было.

– Это ведь ты тогда все обставил как надобно. Никто не хотел в царской крови мараться. Мой собственный дядя испугался. А ты нет.

Клешнин побледнел еще больше:

– Не я убил царевича, государь.

– Нет. Но послал дьяка Битяговского ты, Семен. А тот дьяк был чистый разбойник. Такая рожа ночью приснится – онеметь можно было.

– Он за свои дела и поплатился, государь. Толпа убила его в Угличе.

– Но толпа обвиняла во всем меня. Ты не забыл, Семен?

Клешнин подумал про себя:

«Дак ты и велел пролить царскую кровь, Борис Федорович. В том люди московские не ошиблись».

– Чего молчишь? Язык отсох? – строго спросил царь.

Клешнин смиренно ответил:

– Сие давно было, государь. Чего старое ворошить...

2

Самбор.

Сентябрь 1604 года.

Марина Миншек была одета служанками в яркое шитое

золотом платье. Шелк с изысканной цветочной вышивкой вошел в моду. За кружева дочери воевода Мнишек заплатил купцам золотом и подобные носили даже при королевском дворе в Париже. Теперь нельзя было экономить на нарядах будущей московской царицы.

Служанки уложили панне волосы и закрыли их жемчужной сеткой.

Она посмотрела на себя в зеркало и осталась довольна.

– Панна чем-то огорчена? – спросила Марта.

– Нет. Все хорошо. Я просто не спала этой ночью.

– Я понимаю панну.

– Нет, Марта, не понимаешь. Не тот прекрасный пан был моим спутником этой ночью.

– Панна уже мне сказала про это. Панна провела ночь с царевичем.

– Да, Марта. Я подарила свою страсть Димитрию.

– Панна довольна?

– Не знаю, Марта!

– Панна не знает? Но вчера панна была восхищена.

– Я была в объятиях Димитрия и дала ему все, на что была способна. И он остался доволен. Это так, но...

Марина сделала паузу.

– Так панна любит его? – спросила Марта.

– Марта! – воскликнула Мнишек. – Дело не в любви. Он потребовал от меня этого.

– Но разве панне было неприятно выполнять свои обязан-

ности?

– Я пойду на все, чтобы стать царицей, Марта. Московский принц любит меня.

– И панна вот так сразу уступила? – Марта не могла узнать непреклонную Марину.

– Он заявил, что откажется от дела. А мой отец поставил на него. У отца долги! Громадные долги. Король пока защищает его от кредиторов и прислал ему денег – 40 тысяч злотых! Если не будет Димитрия, то не будет похода. Тогда отцу и всем Мнишекам конец.

– Но с чего Димитрию так захотелось панну?

– Он сказал, что давно питает ко мне чувства и требует от меня страсти. И я уступила, Марта. Он умеет быть властным.

– Панна сожалеет?

– Нет. Сегодня войска станут избирать командиров. Скоро поход!

– Он выступает с войском в пределы московского государства. Ради моей панны начинается война. Так было ради Елены Троянской. Моя панна может гордиться.

Марина Мнишек улыбнулась словам любимой служанки. Она и сама так думала.

Утром, покинув покои, Марины Мнишек, Димитрий отправился к Юрию Мнишеку. В кабинете воеводы его уже ждали сам воевода, его сын Станислав Мнишек и папский нунций Рагноци.

– Пан Димитрий! Сегодня наступит час! – вскричал Мнишек. – Но он наступит, если на то будет твоя воля.

– Я готов! – сказал самозванец. – Пусть в армии объявят о походе!

– Погоди с походом, пан! – поднял руки нунций. – На сие надобно разрешение ясновельможного пана круля.

– Но разве его еще нет? – спросил самозванец.

– Есть, пан. Я привез его, – ответил нунций. – Но отдам пану лишь после того, как пан царевич подпишет кондиции.

– Кондиции? – спросил Димитрий.

– Конечно, пан царевич. Кондиции или условия, на которых ясновельможный круль и панство Речи Посполитой окажут пану царевичу помощь.

– И что сие за кондиции?

– Они уже составлены, – ответил Мнишек. – Вот на столе лежат бумаги. Сие пункты кондиций, пан Димитрий.

Самозванец взял листы и просмотрел:

– Писано на латыни.

– Я готов прочитать царевичу все пункты кондиций.

Димитрий кивнул в знак согласия. Он и сам мог прочесть, но пусть это сделает Рагноци. Кардинал наверняка знает все пункты наизусть.

Царевич передал листы нунцию.

Рагноци стал читать:

«Сии кондиции, мы, Димитрий, великий князь Угличский, князь Димитровский, князь Городецкий, сын почив-

шего в бозе великого князя Московского и Всея Руси Ивана Васильевича, подписываем как верный союзник его величества короля Сигизмунда Третьего, и даем обещание все подписанное исполнить в точности.

После обретения московской короны, которая моя по праву рождения, мы обязуемся:

Отдать королю Сгизмунду и Речи Посполитой на вечные времена Чернигово-Северскую землю, с городами Черниговом, Путивлем, Новгородом-Северским.

Помня, что оные земли ранее, своим словом, обещали мы воеводе Юрию Ежи Мнишеку, в компенсацию, отдаем ему земли Смоленские, включая замок и город Смоленский, на вечные времена роду его и потомкам.

Помня милость его величества короля Сигизмунда Третьего ко мне, даем обещание жениться на подданной его величества в землях его величества короля».

Мнишек перебил нунция:

– Погодите!

– Что-то не понял, пан воевода? – спросил Рагноци.

– А имя подданной его величества не указано в сем документе?

– Нет, пан воевода.

– Но как же это? Тогда пан царевич, может выбрать любую панну среди подданных короля?

– Помня чувства царевича к панне Мнишек, его величество не стал уточнять сие в документе.

– Но так я не могу! – вскричал воевода.

– Пан не верит королю? – удивился нунций.

– Я верю слову его величества. И я верю принцу Димитрию. Но я знаю, что такое обстоятельства государственного характера, панове. И потому мне нужны строки в документе!

– Хорошо! – согласился Рагноци. – Пусть будет так, как желает пан воевода! Позвать моего писца!

Явился человек нунция с пергаменами и перьями. Он уже ждал за дверью.

Царевич также высказал недовольство:

– Там нет полного титула моего отца, пан нунций. Там сказано «сын почившего в бозе великого князя Московского и Всея Руси Ивана Васильевича». Но надобно указать и его царский титул.

– Но вы знаете, что король Сигизмунд III не признает царского титула великого князя Московского.

– Но я настаиваю на этом титуле! – вскричал Димитрий.

– Но у меня нет таких полномочий, пан царевич!

– Тогда вам следует их сначала получить, пан нунций.

– Но на это уйдут месяцы, пан! – возмутился Рагноци.

Мнишек примирил их:

– Погодите, панове. Все можно разрешить и здесь. Пусть писарь пишет так: «Мы, Димитрий Иванович, царевич Великой Руси, владетель Угличской и Димитровской земель, князь от колена предков моих и всех иных государств Московских государь и дедич».

– На сие я могу согласиться, – сказал нунций. – Что скажет царевич?

– Не унизит ли это моей царственности?

– Надобно начинать поход, Димитрий! – вскричал Мнишек. – Не подпишешь кондиции – походу не быть! Нельзя упускать время!

Самозванец согласился с Мнишеком. Время дорого!

Пункты были переписаны. И теперь указывалось. Что должен принц Димитрий Иванович взять в жены на Москве панну Марину Мнишек, дочь пана сенатора Юрия Ежи Мнишека.

– И пану Димитрию следует мне заплатить миллион злотых для покрытия долгов по подготовке похода и для переезда будущей королевы в Москву.

Самозванец с этим согласился. Писарь записал.

– Далее! – продолжал теперь кардинал Рагноци. – В удел будущей королеве на правах самостоятельного княжества выделяет государь Московский города Новгород и Псков с пригородами и селами, и всеми доходами.

– Как? – вскричал самозванец. – Но сие грабеж, святой отец! Я уже отдал северские и смоленские земли, так еще и новгородские и псковские?

– Но сии земли идут не короне польской, пан царевич! Они идут королеве московской и твоей жене. И останутся вашим наследникам!

Димитрий согласился.

– Пусть так!

Рагноци читал далее:

– Теперь самое главное, ваша вельможность! Вопрос о вере истинной. Отказ от восточной схизмы* (*православного христианства). На то чтобы принять истинную веру пану даётся год, после восшествия его на трон!

Продолжил Мнишек:

– И ежели того не станется, то имеет право моя дочь развестись с государем Московским, сохранив при этом все земельные пожалования!

– Но пан! – вскричал самозванец.

– А, пан царевич, разве не намерен выполнить свое слово? Разве, пан царевич, не принял истинную веру? – строго спросил кардинал Рагноци.

Димитрий снова вынужден был согласиться. Он поставил свою подпись под документом: «Demetrius Ioannis».

Дело было сделано...

Папский нунций посмотрел на Мнишека, когда царевич покинул палату, и сказал:

– Великое начинание, пан воевода!

– Воистину так, пан кардинал.

– Свет истиной веры покроеет дикие земли Московии. Так считает наш святейший отец папа. И церковь Христова станет от того много сильнее.

– Это так, – согласился Мнишек. – Но война еще впереди.

– Бог поможет праведному войску, пан воевода. Сей принц станет царем. И совершенно неважно кем он был рожден в действительности. Бог избрал его своим орудием.

Мнишек перекрестился и сказал:

– Мы посадим его на трон Московии!

– Во имя бога!

Кардинал стал шептать молитву...

Самозванец велел доложить о своем приходе панне Елене. Та сразу приняла его.

– Что-то случилось? – спросила она. – Ты никогда не приходил ко мне вот так открыто.

– Все равно.

– Что это значит, Юрий?

– Я много раз говорил тебе называть меня Димитрием.

– Но что случилось?

– Я подписал кондиции короля Сигизмунда.

– Кондиции?

– А ты думала, что они поверят мне на слово, сестра? Нет. Они связали меня по рукам и ногам. Мнишек отбыл в лагерь. Там происходят выборы командиров по традиции наемных дружин.

– Это формальный выбор. И так ясно, что они выберут главным воеводой Мнишека. А первыми командирами тех, кто угоден Мнишеку.

– Да мне все равно, Елена. Мне бы только оказаться в пре-

делах Московии. Со мной идет атаман Корела. Он поднимает гарнизоны недовольных! И в моей армии соберутся казаки.

– Но ты не вожак холопского бунта, Юрий.

– Димитрий!

– Хорошо. Ты не вожак холопского бунта, Димитрий.

– Но мне нужна моя собственная армия, а не армия, которая подчиняется Мнишеку. Сейчас я во всем завишу от него. А может наступить такое время, когда Мнишек уже не будет мне нужен.

– Пусть так, но пока он тебе очень нужен. Тебе нужны поначалу победы. Пусть малые, но победы.

– И потому я пришел к тебе, Елена.

– Ты не уверен?

– Нет. Полагаться на наемников Мнишека во всем нельзя.

Надобно везде, где можно, решать вопросы миром, и только в самом крайнем случае применять оружие. И здесь сможешь мне помочь только ты.

– Я?

– А кто, Елена? Кому я могу доверять так, как тебе? Мы связаны с тобой узами крови.

– Я поняла тебя. Мне нужно отправиться первой. Еще до выступления армии.

– Это так. Ты поведешь с пределы Московии первой. Ты умна и сможешь проникнуть туда, куда никто проникнуть не сможет.

– Моя цель? – спросила она.

– Чернигов. Тебе стоит прибыть в город и выяснить все. Какие настроения среди горожан, солдат гарнизона и среди командиров.

– Мне ехать в женском костюме?

– Нет. Поначалу поедешь под видом казака и поедешь одна. Никакого сопровождения.

Елена посмотрела на брата. Юрий Отрепьев все понял.

– Да, это опасно, сестра! Я знаю, но по-иному никак нельзя. Если я дам тебе сопровождение, то твой отъезд будет замечен. А мне нужно чтобы все прошло тайно. Никто не знает. Только ты и я.

– А пан Ян Нильский? Я могла бы поехать с ним.

– Нет, – покачал головой самозванец. – Он прибыл от коронного гетмана, и он слишком заметная фигура. Нильский двинется вместе со мной.

– Понятно.

– Ты согласна?

– Я понимаю тебя, брат. Это необходимо.

– Прости, сестра, когда мы войдем в Москву я сумею тебя наградить по достоинству.

– Когда мне ехать?

– Сегодня. Пока все заняты предстоящим походом. И помни – никто не должен знать.

– Все сделаю тайно, брат!

– Спасибо, сестра!

– Я поеду в мужском костюме. Но в самом городе стану

действовать как женщина.

– Это решать тебе, сестра. Я во всем полагаюсь на твой ум и на твою хитрость...

3

Военный лагерь армии самозванца.

Сентябрь 1604 года.

В лагере под руководством воеводы Юрия Мнишека рыцарство собралось в круг и выбрало командиров предстоящего похода. Сам Мнишек стал главнокомандующим. При нем были два полковника Станислав Дворжецкий и Адам Жулинский.

Атаманом казаков стал Корела. Хоть Мнишек и не хотел его в командиры. Но так пожелали казаки. Пришлось согласиться.

Корела был небольшого роста коренастый крепыш с мощной шеей и широкими плечами. Черная окладистая борода обрамляла лицо, и в его глазах горел колючий огонек ненависти к панам.

Он издевательски поклонился воеводе и сказал:

– Тряхнем панов на русской стороне, пан Мнишек? Немного полегчим жизнь холопам!

Мнишек ничего не ответил атаману. Он отвернулся.

– Пан атаман не смеет губить пану воеводе! – строго сказал полковник Жулинский. – Атаман во владениях воеводы!

– Дак я разве против? – усмехнулся Корела.

– Но тон речей пана атамана слишком груб!

– Оставь, пан полковник, – одернул его Мнишек...

В личном шатре Мнишека собрались лишь офицеры благородного происхождения. Были здесь и русские перебежчики.

– Что нам скажет, пан Хрущев? – спросил Мнишек, когда все заняли свои места.

– Большие силы Бориса стоят против татар, – сказал дворянин. – Еще с лета сего года воеводы Шереметев и Салтыков стоят под Ливнами, преграждая путь крымчакам. Воевода Шеин с полками стоит у Орла.

– Значит, на западной границе войск нет?

– Только гарнизоны крепостей, пан воевода.

– Состояние пограничных крепостей? – спросил Мнишек у полковника Дворжецкого, мастера осадных работ.

– Хорошее, пан воевода. По стенам пушки. И пороха и пуль у них в достатке. Но вот люди там крайне нелояльны власти Годунова.

– Дозволь сказать, пан воевода? – спросил Хрущев.

– Говори, пан.

– Атаман Корела может нам в том помочь. Он известен и его знают в пограничных крепостях.

– Но мы не вожаки холопского бунта, пан шляхтич! Ты дворянин и мне странно слышать от дворянина такие слова.

– А я с паном Хрущевым согласен, пан воевода, – вы-

сказался Дворжецкий. – Корелу стоит использовать. Он действительно сможет привлечь на нашу сторону население и гарнизоны городков.

– Может оно и так, но добавит ли это нам чести? – спросил Мнишек. – Не стоит забывать, что мы шляхтичи! И честь для нас не пустое слово.

– Но пан воевода, не стоит забывать, что мы идем в Московию. А там иные порядки. И казаки многое могут сделать для победы царевича...

Атаман Корела обрадовался заданию. С сотней казаков он первым пересек русскую границу. Его путь лежал к крепости Монастырский отрог. Корела обещал, когда армия царевича подойдет к крепости – ворота уже будут распахнуты.

– В том слово даю! Слово атамана!

Самозванец подпустил его к руке и обещал многие милости и льготы для самого атамана и его казаков.

Мнишек и переглянулся с полковниками. Те поняли воеводу...

4

Самборский замок. Сентябрь 1604 года.

Ян Нильский встретил в коридорах старого замка еврейского купца Хайма Рафаловича. И было очевидно, что встреча их не была случайной. Рафалович ждал шляхтича.

– О! Пан кавалер! Рад, что вы приняли столь умное решение.

– Вы про что, пан Рафалович?

– Я о вашем желании присоединиться к армии его высочества принца Димитрия.

– Вы и это знаете?

– Старый Рафалович знает все. Старый еврей слишком много денег одолжил пану Мнишеку. И старый еврей волнуется о сроках, пан кавалер.

– Но за мной ведь долги не числятся, пан купец? С чего вам радоваться за меня?

– Но пан имеет виды на панну Елену? Или я не прав?

Нильский никак не мог понять, куда клонит этот купец и что ему нужно.

– Пан желает знать, что мне нужно? – с усмешкой спросил Рафалович, словно прочитал мысли шляхтича.

– Да, – ответил Нильский.

– Тогда пусть пан уделит мне немного своего времени. И любопытство пана будет удовлетворено.

– Тогда прошу в мои покои, пан купец.

Они прошли в комнату Нильского и расположились там.

Рафалович был слишком хитер и всюду искал выгоду. За Нильского он уцепился, ибо видел привязанность шляхтича к Елене, сестре самозванца. И самое главное, что и сама Елена не осталась равнодушной к шляхтичу.

– Пусть пан мне скажет, на что он готов ради панны Еле-

ны?

Нильский не ответил сразу.

– Я не хочу обидеть пана кавалера своим вопросом. Мое любопытство не праздное, пан Нильский.

– Тогда пусть пан купец скажет прямо, что ему нужно?

– Сделать пана счастливым.

Нильский засмеялся.

– Я кое-что слышал про пана Рафаловича в замке. И знаю, что пан Рафалович ничего и никогда не делал просто так. И пусть пан скажет, что ему нужно лично от меня.

– Пан напрасно не верит Рафаловичу. Я могу вам открыть тайну по-дружески. Весьма важную тайну для пана.

– И что это за тайна?

– Я знаю, где сейчас панна Елена.

– Это известно и мне.

– А вот и нет, – возразил еврей. – Ничего пану не известно.

Панны в замке более нет.

– Нет?

– Она покинула Самбор.

– Покинула? Но я ничего не знаю про это!

– Это приказ её брата. И приказ тайный. Про это никто не знает кроме принца Димитрия, старого Рафаловича и теперь вас, пан кавалер.

– Но зачем она уехала? И куда?

– К московской границе.

– Вот как? Но зачем?

– Её путь в Чернигов. И она должна добраться туда сама.

– Сама?

– Именно так.

– Но это невозможно!

– Однако это так, пан кавалер.

– Но дороги опасны. Как она поедет сама? Она женщина.

Рафалович ответил шляхтичу:

– Она отправиться в мужском костюме, пан кавалер.

– Но в дороге её ждут сотни опасностей.

– Это так, пан кавалер, – согласился Рафалович.

– Тогда я должен отправиться за ней!

– Нет! Пусть пан кавалер успокоится. Ему никуда ехать сейчас не нужно. Скоро армия выступит в том же направлении. Вы еще встретите панну Елену.

– Но могу ли я сидеть просто так и ждать, пан купец?

– Так нужно, пан кавалер. А за панной присмотрят.

– Кто?

– Я отправил за ней пять человек. Они будут держаться на расстоянии. Она не догадается об их присутствии.

– Но кто эти пять человек? Им можно верить? Смогут ли они защитить её в случае опасности?

– Это казаки, которым я заплатил за безопасность панны. И заплатил много. А пан говорил, что ничего мне не должен.

– Этот долг я признаю, пан купец. Пусть только с ней ничего не случится. Но можно ли верить казакам?

– Тем, кого я послал, можно.

Рафалович заполучил своего человека в армии самозванца, которая была готова двинуться в поход. Ведь может прийти тот день, когда Нильский окажет ему услугу. Эти вельможные паны любят брать деньги в долг у евреев, но не любят их отдавать. И приходилось думать, как возвратить свое. И возвратить не просто так, но с прибылью.

– Пан кавалер знает, что шутить с панной Мнишек нельзя? – вдруг спросил Рафалович.

– Шутить? Но я не шутил с панной Мнишек.

– Панна Мнишек слишком высокого мнения о своей внешности, пан кавалер. И я дам хороший совет пану. Пусть пан через служанку Марту передаст панне Марине просьбу о встрече.

– Но я не хочу встречаться с панной Мнишек.

– Пану и не придется этого делать.

– Но тогда я не понимаю смысла просьбы.

Еврей ответил:

– Панна Марина Мнишек считает себя красавицей. Она встречалась с паном и считает, что пан её раб ныне. Пусть пан уверит её в этом.

– Зачем мне это нужно, пан купец?

– Если панна Мнишек заподозрит, что пан кавалер к ней равнодушен – она станет его врагом. А это плохо. Плохо для пана.

– Возможно, что пан купец прав.

– Я прав, пан кавалер. Напишите записку, что желаете ви-

деть панну Мнишек.

– Но, если она пожелает встретиться со мной? Что тогда?

– Старый Рафалович знает, что говорит. Сегодня панна Мнишек проведет ночь с паном Димитрием. Пан ничем не рискует, но сохранит расположение панны Мнишек. Пусть она думает, что сама отказала пану. Тогда вы сможете рассчитывать на её содействие в будущем.

– Я сделаю, как сказал пан Рафалович.

– Я продиктую вам то, что нужно написать, пан кавалер.

Нильский не возражал. Он принял от купца лист бумаги, взял чернильницу, которую старый еврей носил на поясе, и перо.

– Я готов, пан купец.

– Милостивая панна! – начал диктовать купец. – Я раб ваш с нашей последней встречи и молю мою богиню подарить мне еще одну встречу.

Нильский записал.

– Не слишком ли сильно, пан купец?

– В самый раз, пан кавалер. Подпишите.

– А кто доставит записку?

– Я сам это сделаю.

– Вы?

– Да и принесу вам ответ. Мне в этом замке доверяют многие тайны, пан кавалер.

Нильский отдал записку Рафаловичу. Старый еврей ушел и через полчаса вернулся с запиской и довольным лицом.

– Теперь все в порядке, – сказал еврей.

– Мне не нужно будет встречаться с панной?

– Нет, пан кавалер. Вашу записку она прочла и бросила в огонь. Ответ велела передать на словах. Писать панна Мнишек не пожелала.

– Она мне отказала?

– Да.

– Слава богу!

– Она оказала вам, а не вы ей. Тщеславие Марины Мнишек удовлетворено!

– И это её успокоит?

– На время.

– На время? Но мы выступаем в поход. Она же не поедет с нами?

– Нет. Но вы можете снова встретиться через время в Москве.

Нильский засмеялся.

– До Москвы еще далеко, пан купец.

– Кто знает, пан кавалер...

Шляхтич Велимир Бучинский сидел в компании самозванца в его покоях. Воевода Мнишек не поскупился на обстановку, и царевич жил в настоящей роскоши. Таких кресел и такой посуды не было и у самого воеводы. Один золотой кубок, который стоял перед самозванцем, стоил целого состояния.

Царевич и его секретарь пили вино.

– Скоро выступаем, пан Бучинский! – сказал Димитрий. – Скоро!

– Наши только рады этому, государь. Все рвутся в бой. Сколько можно здесь сидеть?

– Мы двинемся на Чернигов! И скоро захватим все северские земли. Это даст мне возможность увеличить мое войско до 20 тысяч.

– Государь уверен, что московские гарнизоны...

– Я уверен в казаках, пан Велимир! Вот кто пополнит мою армию. А за ними потянутся и стрельцы, и дети боярские. Мне нужна своя армия.

– Нынешнее войско – войско Мнишека, – сказал Бучинский.

– Верно! Мои в нем лишь твоя сотня шляхтичей, да казаки Корелы. И я во всем в зависимости от Мнишека.

– Но его поддержка нам все равно нужна, государь. Мнишек – это Речь Посполита.

– Про это я помню, пан Велимир. Но он должен знать свое место.

– Так пан не желает жениться? Пан не желает панну Мнишек?

– Желаю! – сказал самозванец. – Она будет моей женой. В том даю слово!

– Я не всегда могу понять государя. Зачем вам панна Мнишек? Одно дело, когда без её отца не справиться, а иное, ко-

гда вы войдете в Москву!

– Мне нужна Марина! – горячо сказал самозванец.

– Но пан уделял много внимания иным женщинам здесь.

– И что с того? Это были её правила, пан Велимир! Это она захотела, чтобы я так себя вел! И я смирился до времени! Но не сейчас! Сейчас она моя. И нынче ночью снова станет моей.

– Но государь решил взять её в жены.

– Это будет потом. Она сейчас не станет моей женой, пан Бучинский. Она поставила условие – сначала я стану царем! Иначе Марина не согласна выходить замуж. Ей нужна корона! Так она сказала!

– Когда государь станет царем на Москве, найдутся сотни девиц, что захотят разделить с ним трон. Пусть ныне они и не верят в царское происхождение государя.

– А ты, пан Бучинский, веришь?

– Государь сказал, а я верю слову государя.

– А если я соврал? – самозванец впился глазами в лицо Бучинского.

Шляхтич выпил свой кубок и поставил его на стол.

– Я иду за тобой, Димитрий. Не за царевичем, а за тобой. Я верю в твою звезду, и готов быть рядом...

Глава 6

Русская граница: Монастырский острог.

*Вот, вот она! Вот русская граница!
Святая Русь, Отечество! Я твой!
Чужбины прах с презреньем отряхаю
С моих одежд – пью жадно воздух новый...*

А.С. Пушкин «Борис Годунов».

13 октября 1604 года войско самозванного царевича перешло русскую границу. Мнишек наметил первой целью Монастырский острог. Затем он ударит на Путивль. А Путивль – это ключ к Северской земле...

Монастырский острог **Октябрь 1604 года.**

Молодой дворянин Сумбулов, товарищ воеводы Монастырского острога Петрова, сидел на лавке в малой горнице и листал списки беглых, которых вчера поймали на границе. Три холопа князя Ромодановского да беглый дьяк Приказа Новой четверти¹⁹ Тихон Сысоев.

¹⁹ *Приказ Новой четверти – после взятия Казани к существовавшим Владимирской, Новгородской и Рязанской третям добавилось царство Казанское. Ад-

Приметы в листах совпадали. Особливо дьяка. Слишком рожа его была приметная.

«Лицо тот дьяк имеет худое. Нос длинный крючковатый. Левый глаз с бельмом. Бородка жидкая козлиная. И повинен он в воровстве казны великого государя...»

Сумбулов оторвался от листа. Он подумал, что и за ним вот так могут прийти и затребовать его на Москву, коли откроются его дела. Ведь уложил Сумбулов в поединке большого человека при государевом дворе. Благо еще, что все тогда в кабаке были пьяны, и никто на следующее утро ничего не вспомнил.

И посоветовал ему тогда его дядя князь Сумбулов отбыть от Москвы на границу от греха подальше. И выхлопотал ему место при воеводе Петрове.

Возмутился тогда молодой князь:

– Мне идти под него?

Дядя тогда возразил:

– Ныне не время местами чиниться. Голова твоя на кон поставлена, дурак. А чем далее от Москвы и чем скромнее место, тем безопаснее. Да и мы, Сумбуловы, не такие уж и знатные господа. Хоть и князья, но не Рюрикова корня.

– И надолго сие?

– Кто знает? Как повернется. Токмо, стерегись сильно! То дело дьяку Разбойного Приказа Патрикееву отдано. И тот дьяк зело хитер в таких делах!

– Но меня не видал никто! Нас много было! И мы как за сабли взялись никто на нас уже внимания не обращал! И коли покину Москву, никто не вспомнит!

– А коли нет? – спросил князь. – Я те тогда не заступа! Зело государь великий гневен! И в случае чего... В случае чего беги за пределы! Благо там недалече.

С тех пор прошло три месяца.

Горница, в которой сидел Сумбулов, была мала. В центре стоял большой стол, заваленный бумагами. Он был застелен черным сукном. Пространство слабо освещали две свечи в старинном шандале.

Сумбулов вызвал десятника Иванова. Тот сразу явился на зов и поклонился.

– Тащи сюда Сысоева!

Десятник ушел и вскоре в комнату втокнули худого человека в ножных кандалах. Шапки на нем не было, и кафтан был порван. Сапоги с него также стащили. Босые грязные ноги дьяка были в ссадинах и кровоподтеках.

– Дьяк Приказа Новой четверти Сысоев?

– Я самый. Чего скрывать то? Попался, и знать ответ мне держать.

– Садись человекче. В ногах нет правды.

Дьяк сел.

– Стало хотел к ляхам утечь? – спросил дворянин.

– Хотел. Да сцапали меня псы воеводские! Не ждал, не гадал, что здесь попадусь. Вот она граница! Рукой подать. И

решил к бабе наведаться! Давно бабы у меня не было.

– Не мог до Литвы подождать? – усмехнулся дворянин. – Приметы твои хорошо расписаны. И ты с такой рожей к бабе поплелся! Дурак!

– Теперя отвечу, – хмуро ответил Сысоев и шмыгнул носом.

– А много ли денег хапнул, дьяче? Чего ищут тебя? Ведь при тебе ничего не нашли.

– Не нашли? – горько засмеялся Сысоев. – Псы воеводские все отобрали до копейки! А сказали что нет де при мне ничего. Им прибыль, а мне на Москве на правеже стоять под кнутами!

– Стало отобрали все? А много ли было?

– Три тыщи рублей!

– Вона! – изумился Сумбулов. – Три тыщи! С такими деньгами можно было пристроиться у ляхов!

– Дак чего вспоминать. Денег нету. Я в железах.

– А есть ли у тебя, дьяк, свой человек у ляхов?

Дьяк посмотрел в глаза Сумбулову. И сразу понял, что этот воеводский товарищ неспроста сие спросил. Знать и у него есть надобность в том.

– Али и тебе надобно за рубеж?

– С чего взял сие?! Я товарищ воеводы и верный человек великому государю. А спросил для порядку!

– Так и я для порядку, – ответил Сысоев. – Есть у меня человек. Слышь, дворянин? Есть!

– Вона как?

– При особе самого... – Сысоев сделал паузу. – При особе самого царевича.

– Какого царевича? Ты что? Как смеешь!

– Дак я чего? Люди говорят, что истинный он царевич. А я разве знаю?

– И кто там у тебя?

– Дружок с Москвы еще. И мне от него послание было, что де есть тот, кого самозванцем на Москве объявили, истинный царевич Димитрий Иванович. Токмо дай мне от желез ослобониться! И я те помогу! Слышь? Помогу!

– Да на кой мне помощь твоя?

– А кто знает, что далее будет? Ты смекни! Бориска то болен! Что как помрет вскорости?

– Чего болтаешь!

– Дело говорю! Ты ведь также здесь не по своей милости. Ты из рода Сумбуловых, а торчишь здесь в подчинении сына боярского Петрова. Ты знатного рода и много выше его по положению. Али не грызет тебя сие?

Сумбулов молчал. Беглый дьяк попал в самую точку!

Сысоев продолжал:

– Я те пригожусь. Замолвлю словечко.

– Я подумаю. А ты пока посиди в остроге. Но корм тебе отныне добрый пойдет и кафтан, шапку, да сапоги тебе вернут.

Сумбулов приказал увести дьяка...

На следующий день пришла беда. В город прискакали люди государевы. И сразу к воеводе. Петров чуть не до земли стелился перед простым подьячим с приписью. Знать люди не простые.

Дворянин Василий Сумбулов понял, что люди большого государева дьяка Патрикеева пришли за ним. Прознал таки дьяк-проныра, где он нашел себе укрытие.

«Знать то по мою душу, – подумал Сумбулов. – Не зря сны такие снились мне. Все сбывается! Ой, не к добру! Повезут на Москву да голову снимут! В Разбойном Приказе²⁰ все поют соловьями!»

В комнату вошел высокий широкоплечий подьячий в малиновом кафтане и при сабле. За ним протиснулись три дюжих стрельца с бердышами.

Подьячий осмотрел комнату и усмехнулся.

– Али не признал меня, Василий Андреевич? Пришлось побегать за тобой по Руси-матушке.

– Ты кто таков будешь? Я товарищ воеводы!

– А я подьячий Приказу Разбойного! Да подьячий не простой, а с приписью! Чуешь? С Москвы за тобой! Тамо заждались тебя в пытошной! Приказ до твоей особы касаемый! Ты, Васька, есть враг великому государю! И ты заарестован!

²⁰ *Приказ разбойных дел – занимался рассмотрением уголовных дел и отвечал за поимку воров, убийц, разбойников. Приказу подчинялись тюрьмы и палачи. С 1687 года Разбойный приказ переименован в Приказ сыскных дел.

Стрельцы кинулись к нему и связали ему руки за спиной. У него отобрали саблю и кошель с золотом...

И попал Василий Андреевич Сумбулов в острог к тому самому дьяку Сысоеву.

– Василий Андреевич? Лопни мои глаза! – вскричал Сысоев. – Ты ли это?

– Я, – сказал Сумбулов. – Виш как все обернулось? Скоро вместе на Москву вернемся.

– С чего это? – всполошился Сысоев.

– А с того что прибыл из Москвы за мной подьячий Приказа Разбойного. И про тебя он не забудет. Ты казнокрад и ворог великому государю.

– Неужто из Москвы? – не поверил беглый дьяк.

Сумбулов кивнул.

–И чего делать-то?

–Богу молиться.

–Оно конечно дело хорошее – молитва. Дак нам думать надобно, как из сего острога уйти.

Сумбулов засмеялся.

– Дак стены вокруг нас, а за ними стрельцы. Как уйдешь?

– Эх! Кабы вчера мы могли уйти!

– Чего теперь, – пробормотал Сумбулов. – Это тебе за воровство плети, а мне на Москве башку снесут.

– Теперя одна надежа, Василий Андреевич. На царевича!

– Тише! Ты про сие не говори. Мало мне бед! Да и тебе от

того хуже. Али еще в заговоре против государя хочешь быть повинен?

Тихон Сысоев не ответил...

Казачи атамана Корелы быстро оказались у стен Монастырского острога. Со стен на них смотрели стрельцы и не могли понять кто это такие.

Корела сам в сопровождение одного казака подъехал к городку.

– Эй, служивые! Я атаман Корела!

Стрелецкий десятник был с большого перепоя и ничего не мог понять.

– Ты мил человек, кто таков?

– Я атаман Корела с Дона!

– С Дона? Али я чего не дослышал?

– Я атаман Корела и прибыл сюда от имени его милости царевича Димитрия Ивановича. Сам царевич скоро будет здесь со многими тысячами воинства.

– Царевич? – переспросил десятник.

– Царевич Димитрий Иванович, сын царя Ивана Московского!

Десятник все понял и посмотрел на стрельцов.

– Видали?

– Сам царевич Димитрий идет к нам!

– С воинством! Конец царству Годунова.

Десятник перекрестился и ответил атаману со стены:

– Мы всегда горазды почет царевичу оказать.

– Так отворяй ворота, десятский!

– Дак ты не царевич, атаман. А его царская милость пусть

пожалует в город.

Корела усмехнулся в ответ...

Замки с острога были сбиты и все пленники получили свободу. Стрельцы стали на сторону царевича. Воеводу более никто не слушал.

Сумбулов и Сысоев вышли из темницы.

– Именем царевича, ты получил свободу, князь, – сказал Сумбулову стрелецкий сотник Еремей Парфенов.

– Слава Димитрию! – искренне выкрикнул Сумбулов. – Не чаял я живым вырваться.

Стрельцы закричали:

– Слава царевичу!

– А подьячий где? – Сумбулов посмотрел на сотника. – Где тот из Разбойного?

– Ты про кого, князь?

– Дак про того кто заарестовал меня! Подьячий с приписью из Разбойного Приказа.

– Того не знаю, князь.

Полусотский ответил Сумбулову за сотника:

– Сбег он, князь. Как прознал про посланцев царевича, так и сгинул.

– Жаль, не посчитались мы с ним. А воевода где?

– Воевода в покоях своих. Затаился. Носа не кажет.

– Так я сам навещу его. Я чай не гордый.

Сумбулов велел дьяку Сысоеву его обождать. Сам он пошел к воеводе.

Сын боярский Артемий Петров засел в горнице ипил водку от страха.

– Как здоров, воевода? – спросил Сумбулов с порога.

– Ты на свободе, князь?

– Ты мне не рад, Артемий?

– Рад не рад, – Петров снова выпил. – Чего говорить. Выпьешь?

– Выпью.

Воевода налил князю в чашу. Тот выпил и похвалил водку.

– Я пришёл спасти твою шею от веревки, воевода. Ибо скоро здесь будет сам царевич Димитрий Иванович.

– Ополоумел?

– Я в уме, Артемий.

– Дак какой он царевич?

– Для меня истинный, ибо голову мою от топора спас. А ты коли желаешь сам спастись от веревки такоже присягу Димитрию принести должен.

– Но потом меня за сие люди Бориса со свету сживут!

– Ой, ли! – усмехнулся Сумбулов. – Бориска далече, а Димитрий у ворот. Так что думай, пока есть чем...

Конница вступила в городок. Сам царевич был впереди в окружении своих доверенных офицеров. На Дмитриии русский кафтан отороченный соболем, поверх кафтана кираса с насечкой, на голове – высокая шапка с пером.

За царевичем везли государев штандарт – зеленое знамя с черным двуглавым орлом. За знаменем ехали пан Мнишек и воеводы. Их роскошные доспехи сверкали и солнечные блики играли на драгоценном оружии. Пышный султан на шлеме Мнишека из страусовых перьев красного и бело цвета трепетал на ветру.

Польские штандарты и знамёна Мнишека везли после свиты царевича и после первого гусарского отряда и охранной сотни шляхтичей. Все же поход должен был выглядеть не вторжением в московские пределы иноземного войска, но освободительным походом истинного царевича, который шел занимать трон, положенный ему по праву рождения. Именно поэтому впереди и было зеленое знамя с двуглавым орлом.

Затем шли сотни панцирной кавалерии. Шелестели крылья гусар. И войско, хоть и было немногочисленным, выглядело грозно. Сумел царевич поразить обитателей русской пограничной крепости.

Димитрий Иванович остановил своего коня.

Стрельцы скинули шапки и приветствовали его громкими криками.

Царевич окинул их взглядом и поздоровался:

– Здорово, дети! Я, государь ваш природный. Пришел спасти вас от Годунова! Всех, кто верен, я жалую!

– Слава Димитрию Ивановичу!

– Слава государю!

– Живи и царствуй много лет!

– Слава государю!

Димитрий поднял руку, требуя тишины.

– А где начальные люди? – спросил он. – Отчего они не встречают меня по чину?

– Дак воевода со страху пьян напился, а товарищ его, был взят под караул, – ответил сотник царевичу.

Вперед выступил князь Сумбулов.

– Я товарищ воеводы, ваше величество! – князь низко поклонился.

– И кто посадил тебя под замок? – спросил Димитрий.

– Дак по приказу Годунова прибыл сюда подьячий из Москвы, государь.

– И, стало быть, я освободил тебя? – усмехнулся царевич.

– Так, государь. Я твой слуга!

– Жалую тебя, князь! И все вины тебе прощаю! Будь при моей особе!

– Государь! – Сумбулов пал на колени.

– Поднимись, князь.

Сумбулов поднялся.

– Прошу за одного человека, государь. Дьяк он беглый от Бориски Годунова пострадал. Тихон Сысоев имя ему.

– Бери его с собой, князь. И его жалую!

Сумбулов низко поклонился.

Самозванец был доволен. Монастырский острог сдался без единого выстрела. Его поход начался удачно...

Дьяк Сысоев выбрал себе отличного коня из конюшни самого воеводы. Царевич пожаловал его и приблизил к своей особе.

Сумбулов застал его за этим занятием.

– Али ты разбогател, дьяк?

– Пожалован великим государем. Благодаря твоему слову, князь.

– Али уверен, что он великий государь?

Дьяк обернулся по сторонам. Вокруг никого.

– До того мне нет дела. А ты сомневаешься, князь?

– Дак мне иного хода нет, дьяк. Бориска меня не жалует.

И тебя также. Что нам за дело, кто он есть этот царевич? Я согласен с тобой. И также пришел выбрать коня.

– Стало, выступаем вслед за царевичем? – усмехнулся дьяк.

– В его русской сотне. Поручено мне набирать рать из природных россиян.

– Сие дело доброе. Скоро многие к истинному государю перебегут...

Утром трубы заиграли поход. Отряды царевича двигались

далее.

Димитрий спросил Велимира Бучинского:

– Ты отобрал для меня сотню надежных людей?

– Так, ваша вельможность. Сборный отряд казаков и охочих из московитов.

– Где они?

– Уже выступили. Ждут своего командира.

– Пусть Корела двинется к ним! – махнул рукой царевич.

– Я осмелюсь дать вашей вельможности совет. Атамана Корелу стоит оставить при вашей милости. К нему так и липнут местные стрельцы и городовые казаки.

– Но кто возглавит рейд?

– Есть такой человек.

– И кто это?

– Пан Нильский, – ответил Бучинский.

– Он поляк.

– И что с того, государь? Пусть себя покажет.

– Но не станут они его слушать. Такой сброд, что ты собрал в эту сотню, пришибет поляка сразу же. Только Корела с ними сможет сладить.

– Путь государь не переживает. В той сотне есть не токмо русские перебежчики и украинские казаки. Там есть и поляки, и литовцы, и венгерцы.

– Но согласен ли Нильский возглавить рейд?

– Он согласиться, государь, – с уверенностью сказал Бучинский.

–Тогда, будь по-твоему! Передай пану Яну мою просьбу.

Пан Бучинский поклонился царевичу и отправился искать Нильского. Тот оказался совсем рядом. Гусарский поручик седлал своего коня.

Бучинский подошел к нему.

–Пан Ян!

Нильский обернулся.

–Пан Велимир?

–Я пришел выразить пану свое почтение. Пан был поручик гусарской хоругви. Но нынче он занимает слишком скромный пост в армии принца.

–Пусть это не заботит пана.

–Но я хочу предложить пану возглавить сотню молодцов. Это конечно не гусары коронного войска, но также смелые ребята.

–Пан говорить про тот сброд, который он собирал вчера? Уволь меня от такой чести, пан Велимир.

– Значит, пан отказывается?

– Да.

– А если это просьба царевича?

– У пана Димитрия много командиров.

– Значит отказ?

– Отказ, – решительно заявил Нильский.

– А если речь идет про панну Елену?

– Что? Пан шутит? – Нильский положил руку на рукоять сабли.

- Нет, – серьезно и невозмутимо ответил Бучинский. – Пан отправится со своей сотней к Чернигову. А там он встретит панну. И если ей понадобится его помощь, пан окажет её.
- Елена нуждается в помощи?
- Её миссия весьма опасна, пан Ян. Всякое может произойти.
- Пан Бучинский говорит о какой-то миссии?
- Город должен распахнуть ворота для принца Димитрия Ивановича без боя. И панна Елена способна сотворить сие чудо, пан Ян.
- Готов помочь панне Елене.
- Вот и отлично, пан Ян. Я и сам бы отправился, но пан царевич не отпустит меня.
- Я согласен...

Глава 7

Русская граница: Чернигов.

Чернигов

Октябрь 1604 года.

Елена прибыла в Чернигов в полдень, пристроившись к большому купеческому обозу.

В городе уже знали о падении первой пограничной крепости перед «царевичем». Простой люд радовался, а начальные воеводы негодовали. Слухи рождались мгновенно. Местный юрод Паша, известный в городе как святой, ибо носил на себе тяжелые цепи и не снимал одежды своей годами, услышал от приезжего торговца о царевиче, и ночью ему было «видение». Явился ему во сне архангел Гавриил и сообщил о скором конце царства Бориса Годунова.

Утром на рыночной площади Паша поведал людям слова «архангела».

– Сам господь ведет к нам царевича Димитрия. Видит он все беды наши и смилостивился над землей многострадальной. Послал он нам спасенного государя. Примите его христиане!

– А государь Борис Федорыч? – спросил юрода торговец сбитнем.

– Порешил господь его от царства отрешить! – громко

сказал юрод.

Люди зашумели:

– Верно говорит Паша! То истина!

– Государь природный возвращается!

– Оно так! Не смогли убить его собаки годуновские!

– Наше солнышко возвращается! Царевич Димитрий Иванович!

– Пусть воеводы присягнут ему!

– Станут они присягать. Виш пушки готовят по стенам!

– Пушки?

– А ты думал!

– Это против законного государя?

Те разговоры услышал проходивший мимо сын боярский и хлестнул плетью юрода.

– Кто тебе законный государь?!

Паша всхлипнул, вытер кровь, и смело заявил боярскому сыну:

– Я слова молвил не свои, а токмо передал то, что поведал мне архангел. Царству Годунова конец!

– Измена! Вот тебе! Вот!

Снова плеть стала падать на юродивого.

– Чего бьешь?! – вскипел один мужик.

– Не трогай божьего человека! – заслонил юрода второй.

Боярский сын оттолкнул заступника:

– А ну посторонись! Хлоп!

Вмешался еще один мужик с могучими заскоружеными ру-

ками, которые выдавали в нем кузнеца.

– Сам пошел прочь, рожа!

– Как смел ты мне сказать такое?! Холоп! Рыло неумытое!

Я тебе шкуру до пят спущу!

Он ткнул рукоятью плети в грудь кузнецу. Тот не отступил и попытался вырвать плеть из рук обидчика. Но это ему не удалось. Сын боярский был ловок. Увернулся и хлестнул кузнеца по лицу.

– Бунтовать? – кричал он. – Всех в пыточный подвал!

– Чего смотрите православные? – заорал кузнец. – При вас божьего человека обижают! Он истину вам молвил!

– Этот Иуда законного государя не признает!

– Дак это из тех, кто по приказу Бориски Годунова сюда приехал!

– Собака!

Боярский сын выхватил саблю и заорал:

– Измена! Сюда! Измена!

К нему подбежали иные боярские дети и стали теснить толпу. Мужики раздались.

– Хватай изменников! – сын боярский схватил кузнеца за армяк. – Сей вор поносные слова говорил противу великого государя Бориса Федоровича!

– Батогов ему! – предложил кто-то.

– Верно! Батогов! Я сам хлестать стану! Пусть почувствует холопская харя.

Мужики решили освободить своего и началась потасовка.

К боярским детям подоспели на подмогу пятеро московских стрельцов. Они посекали троих саблями, и мужики стали отходить.

И пришла бы к пойманному мужику смертушка, если бы на его счастье, рядом не оказался атаман Белешко, который командовал черниговскими казаками.

– Что у вас здесь? Что за шум?

– Измена! – орали боярские дети.

– Они и есть изменники! – говорили мужики.

– Тихо! Говори, что случилось? – атаман посмотрел на боярского сына.

– А ты кто таков? Я тебе отчетом не обязан!

– Я атаман Белешко!

Вмешался мужик:

– Батюшка, атаман! Они изменники! Слова поносные говорили на его милость царевича Димитрия.

Сын боярский вскипел:

– Он самозванец!

– Стоять!

Белешко схватил боярского сына за руку и отвел клинок от мужика.

– Измена!

– Ты не ори так, парень, – сказал Белешко боярскому сыну. – Людишки больно настроены против Бориски Годунова. Могут пришибить.

Атаман приказал казакам развести дерущихся в стороны.

Белешко был сослан сюда в свое время для несения службы, как и большинство его казаков. Потому все они держали сторону царевича Димитрия Ивановича...

Елена спросила купца, часто ли он бывал в Чернигове. Это был пожилой торговец из валахов, который уже давно обосновался в Кракове и ездил по делам своей торговли в Московию. Он умел торговать и умел держать язык за зубами. За это его ценил орден Иезуитов.

– Так пан купец здесь частый гость? – повторила Елена свой вопрос.

Тот ответил:

– Частый. Торговля с москвитами весьма выгодна.

– И каковы настроения в городе?

– Вы сами видите, госпожа. Здесь всегда хватает недовольных центральной властью.

– Но откроет ли город ворота?

– Госпожа интересуется просто так? Или имеет расчет...

– Просто так. Какой у меня может быть расчет? Я не княгиня.

– Но панна пришла сюда не по своей воле и не для торговли.

– Пан купец знает кто я и почему здесь.

– Знаю.

– Тогда к чему все эти вопросы? Помогите мне, и я забуду о вашем существовании. Вы спокойно продолжите свое пу-

тешествоие.

–Госпожа, это царский город. И если люди Годунова узнают, зачем вы здесь – не помилуют.

–Мне нужны здесь те, кто станет на сторону государя Димитрия Ивановича, и помогут царевичу захватить город. Чернигов будет наш!

–Это опасные слова, панна.

–Но также опасно отказать в просьбе царевичу. Если пан не поможет, то царевич будет на него зол.

–Упаси меня бог от такой напасти. Я покажу панне тех людей. Но говорить с ними панна станет сама...

В доме князя Петра Шаховского, товарища черниговского воеводы князя Татеева, было многолюдно. Полковники и сотники вновь прибывших стрелецких полков собрались здесь.

Князь Пётр, человек средних лет, с плотной дородной фигурой, сидел в массивном кресле и слушал доклады полковников. Сколько и чего они привезли в своих обозах в крепость.

–Людишек мало, воевода, – говорил полковник Скобелев. – В моем полку почитай больше сотни недостача. Да и те, кто есть, ненадежные. Больно великий государь был на них гневен.

Шаховской с усмешкой посмотрел на Скобелева. Али сам он в большой чести у Бориски Годунова? Был бы в чести, не

попал бы сюда.

– В моем полку тоже самое, – сказал полковник Мягчев. – Стрельцы все готовы к самозванцу вору переметнуться.

– Так чего же ты, полковник, сие терпишь? – грозно спросил Шаховской. – Отчего не придушил измену?

– Дак как придушить-то, князь? Пока до Царева-Борисова шли, все хорошо было. Роптали стрельцы не без того. Но все тихо было. А как в Чернигов вошли, так и началось. Здешние людишки их смущать стали.

– Отчего же ты, полковник, свое слово не скажешь?

– Дак коли скажу, то стрельцы мои и меня на копы взденут и много чего недоброго натворят.

– Полковник Мягчев прав, князь. Так и в других полках. Стрельцы ненадежны.

Шаховской и сам был ненадежен и не любил царя Бориса. Не по своей воле сидел он здесь в товарищах воеводы Татеева.

– Наш воевода, князь Татеев требует искоренить измену, полковники. Но как сие сделать? Думал я, что ваши полки нашу измену изведут. А вон как все вышло.

– А самозванец слышно идет к нам, – сказал еще один товарищ воеводы Семен Вельяминов. – Вести дошли, что взял он без бою крепость Монастырскую.

Полковники переглянулись между собой.

– И что делать? – спросил Шаховской.

– Головы всем изменникам срубить пока не поздно! –

предложил Вельяминов.

«Ишь ты каков гусь, – подумал Шаховской. – И стану я свою голову в петлю совать заради Бориски Годунова».

– Я своих верных ратных холопей на то дело дам! – сказал Вельяминов.

– Головы рубить, говоришь? – Шаховской посмотрел на Вельяминова. – А людишек хватит? Сколь у тебя верных холопей? Десятка полтора?

– Мои люди сотни иной стоят, князь. Коли прикажу – сделают!

– Виш как! А коли сие бунт вызовет? – спросил Шаховской. – Я вторую сторожу супротив супостатов выслал за ворота крепости. И где она? Перебежали казачки наши к самозванцу. И иные мечтают про то же. Начни хватать и будет бунт!

– Но что же делать? Нужно самозванца вора остановить! Измена в нашей крепости!

– Измена не токмо в крепости, – возразил Шаховской. – Измена по всему государству! И пошла та измена не нынче, а давно по Руси-матушке ходит.

– Верны слова твои, князь, – поддержал Шаховского полковник Мягчеев.

– Но что делать?

– Что прикажешь, князь?

Шаховской усмехнулся.

– А что я прикажу? Хотел от вас мудрости набраться. Как

без верных людей измену искоренить?

– Надобно власть проявить! – сказал Вельяминов.

– Ась? Власть говоришь? Но токмо власть на стрельцах держится. А сии стрельцы не больно желают власть защитить. Али сам пойдешь к ним? Не забоишься?

Вельяминов опустил голову.

Шаховской продолжил:

– Вот так-то! Воевода приказал, а нам думать надобно...

Так ни до чего не договорились воеводы и полковники. Вельяминов все понял. Не хотят они против самозванца сражаться и стоять верно за царя Бориса Федоровича. Да и чего им стоять за него? Что видели они от Годунова? Наказаны были и сосланы. Промыслы свои покинули и семьи оставили. Что будет с торговлишкой стрелецкой? Многие в разор пойдут. А жалование государево им сколь не плачено? И чего станут женки и детки стрелецкие есть? Многие зимы не переживут. А стрельцам стоять верно за царя Бориса Годунова? Может, так и было бы, если бы король Жигимонт напал на русские пределы. Тогда стали бы стрельцы и дети боярские за Русь. Но ведь царевич идет на Москву. Сын Ивана Грозного...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.